

ИФТИХАР БАДКУБЕИ

ОБИТЕЛЬ НАДЕЖДЫ

(РАССКАЗЫ)

Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного

*... Так расскажи ты им этот сказ - быть может, они призадумаются!
Сура "Аль-А'раф", аят 176.*

ЗЛОСЛОВИЕ

"... и не злословьте [за спиной] друг друга..." (Сура "Покои", аят 12).

Салим, медленно поднимаясь по лестнице, подошёл к двери своей квартиры. Вынимая ключи из кармана, взгляд его вдруг упал на туфли соседки Джавахир, которая жила этажом ниже.

Салим, подумал про себя:

"Чего же опять хочет эта женщина от нас?! Слоняется без дела по чужим квартирам! - но, подумав так, Салим, сразу же раскаялся в своих подозрениях. "А может, она пришла по какому-то делу? Может действительно в чём-то нуждается?" - размышляя таким образом, Салим зашёл домой.

Из комнаты доносился голос. Вначале Салим подумал, что это голос соседки Джавахир, но прислушавшись, он понял, что разговаривает его мать.

— Ты на неё посмотри! Ещё вчера она с голоду подыхала! А теперь нас за людей не считает!

Салим не поверил своим ушам. Ну сколько раз он удерживал свою мать от поношения мусульман за глаза, сколько раз разъяснял греховную суть злословия. И вдруг он услышал голос Джавахир:

— Да, сестрица, правду молвишь. Сколько волка не корми, все равно в лес смотрит.

Эти слова подействовали на мать Салима, как масло, подлитое в огонь. Прислушавшись к словам матери Салима, можно было бы понять, что она не на шутку рассержена:

— Ничтожная собака! А, это я виновата, что так ласково обращалась с ней! Эй, Джавахир! Посмотрела бы ты на её походку. Как будто...

Тут Салим не выдержал. Потихоньку кашлянув, он вошёл в комнату и, пройдя прямо, остановился посреди комнаты. Он сердито посмотрел как на мать, так и на Джавахир. Последняя, словно не выдержав сердитых взглядов Салима, заёрзав на месте, поднялась и сказала:

— Ну ладно, я пойду. А то ещё обед подгорит. Не успев сказать это, она скрылась за дверь.

В комнате воцарилась тишина. Салим не отводил глаза от матери, то с удивлением, то с возмущением смотрел на неё. Он хотел своим видом показать матери мерзость совершённого дела. Но, поняв, что его взгляды ничуть не повлияли на неё, устало проговорил:

— Мама! Разве я тебе не говорил?

— Что не говорил?...

Салим, из тона своей мамы догадался, что она вовсе и не сожалеет о содеянном. Он теперь не знал, что делать. Ответить матери и опять с самого начала всё объяснять или же, накричав на неё, потребовать раз и навсегда покончить со сплетнями и злословием.

Вдруг он вспомнил, что одним злом другого зла не исправить. Какая разница? Ведь нагрубить своей матери это тоже грех и зло. Все эти мысли быстро пронеслись в его голове. Он решил терпеливо снова всё объяснить и ласково сказал:

— Мама! Дорогая мамочка, ты же знаешь, то, что ты совершаешь - грех, злословие.

Мать, ударив руками по коленам, поднялась:

— Да ты что?! Клянусь отрезанными руками святого Абу-ль-Фазла Аббаса (*да будет мир с ним*), что я говорила правду. Я же про Нармину говорила...

Тут Салим уже потерял терпенье:

— Слушай, если бы ты сказала неправду, тогда это стало бы клеветой. Когда же говоришь за глаза про человека плохо, хотя бы и правду, всё равно это есть сплетня, и злословие...

Женщина, хлопая глазами, смотрела на сына. Она ничего не понимала. Если она говорит правду, тогда почему её сын сердится? Вновь взяв себя в руки, Салим подошёл к матери и ласково обнял её за плечи:

— Знаешь, мамочка, ведь поносить Нармину, в то время, когда её нет, считается злословием. Это не имеет разницы, правду говоришь или...

Мама не дала договорить:

— Да ты посмотри на него! Вообще, что ты хочешь от меня?! Не могу и рта раскрыть. Ты что, меня уму-разуму учишь?! Разве не я родила тебя?! Ещё чего, рот мне затыкает!

Салим понял, что разговор не имеет смысла и ушел в свою комнату. Улегшись на кровать, он уставился в потолок. Он хотел найти выход из создавшейся ситуации, но ничего не приходило ему в голову. На голову словно был надет железный обруч, к тому же слова матери всё ещё звучали в его ушах.

"Нет, это невозможно. Обязательно надо что-нибудь придумать", - сказав это, он присел на кровати. Его взгляд остановился на настенных часах. Было время вечернего *намаза*. Совершив омовение, и затем закончив *намаз*, Салим сделал земной поклон - *саджда*. Некоторое время он оставался в таком положении. Затем, поднявшись, протянул обе руки к небу и начал молиться шёпотом: «О, Аллах! О, Мой Бог! Я ничтожный раб Твой! Ты сам видел, что я очень старался удержать свою мать от злословия, но она не послушала меня. Господи, мне очень тяжело видеть её такой, но что мне делать? О Тот, кто устраняет все трудности и бедствия, помоги же мне в этом деле, покажи моей матери мерзость этого дела!...»

Прошла часть ночи. Вдруг из другой комнаты раздались стоны и Салим, услышав их, вздрогнул. «Это ещё что?» - сказал он про себя, затем, отбросив в сторону одеяло, поднялся. Когда он открыл дверь комнаты, то увидел свою мать, которая, качая головой, охала и стонала. Её голос, походил на охрипший и приглушенный голос, который издают попавшие в колодезь люди.

— О, Боже, упаси! О, Аллах, помоги! Пощади!,- Салим, произнеся "*Бисмиллах*", осторожно потряс руку матери:

— Мама! Мама, это я, Салим, открой глаза... *Бисмиллах!*... *Бисмиллах!*...

— Вай-вай! Пощади, о Аллах, упаси! Избавь! Салим, сломя голову, побежал в кухню и принёс стакан воды. На этот раз он сильнее потряс руку матери:

— Мама! Открой глаза! Ну, открой же!

Внезапно женщина умолкла. Открыв глаза, посмотрела вокруг себя и, увидев Салима, обняла его, поцеловала. — Салим, родной мой сынок, Салим... - но непослушные слёзы не дали ей договорить. Разрыдавшись, она положила голову на подушку.

Сын протянул стакан матери и сказал:

— Мама, выпей воды, немного успокойся. Женщина, увидев стакан, неожиданно сморщилась и отвернула лицо к стене, будто её стошнило.

— Мамочка, скажи, что стряслось с тобой? Я в первый раз вижу тебя такой.

— Правду говоришь, сынок. Я и сама в первый раз чувствую себя такой.

— Ну что же с тобою случилось вдруг? Что-нибудь увидела во сне?...

Женщина, тяжело приподнявшись, села. Как бы смущаясь, и в то же время с испуганным видом произнесла:

— Да, сон видела. К тому же очень плохой.

— И что же ты видела? - Салим поставил на пол стакан, который до сих пор всё ещё держал в руке.

— Снится мне, что я в пустыне. Нармина умерла, и её мертвое тело лежит прямо передо мной, а я поедаю её тело, - тут мать Салима с отвращением отвернула лицо в сторону. Её тошнило.

Сын с удивлением смотрел на мать. Она, вдруг посмотрев на него, спросила:

— Что означает этот сон, Салим? Салим в это время как будто очнулся. Он понял, что это, ничто иное, как милость *Аллаха*, и молитвы, совершённые им вечером, были приняты. Теперь *Аллах* хочет показать его матери мерзость злословия. Салим не знал, что делать: совершить земной поклон благодарения, или же растолковать значение сна?

— Салим, - повторила снова мать, - что же обозначает этот сон? - на этот раз с мольбой обратилась к сыну.

Салим понял, что теперь самое время, поэтому, подняв голову, произнёс:

— Мама, совершенно верно, что этот сон показывает нам состояние злословящих людей. Всевышний *Аллах* в Коране говорит: *"О те, которые уверовали! Разве кто-нибудь из вас ест мясо своего мёртвого брата. Видите какое отвращение питаете вы к этому делу. Так побойтесь же Аллаха!..."*

Видишь ли, дорогая мама, *Аллах* уподобляет злословие поеданию мертвечины брата. Это – истина. Человек, поносящий других, находится в таком состоянии, но сам того не ведает...

Здесь Салим замолчал и искоса посмотрел на мать. Словно он хотел узнать, как подействовали его слова на неё. Но в её лице он ничего не разглядел. Тогда Салим хотел сказать ещё что-то, как вдруг она обеими руками обняла Салима и расцеловала его. Мать только теперь поняла, каким благом является для неё Салим. Ведь она всегда чужих людей приводила в пример ему – тех, которых он прекрасно знал. Знал, что они все погрязли в грехах. Но теперь мать всё поняла. Обняв двумя руками голову Салима, поцеловала его в лоб. Еле слышным голосом произнесла:

— Прости меня, сынок! - затем, словно задумавшись, добавила, - Молись, чтобы *Аллах* простил меня.

Имам Садик (*мир ему*) изрёк:

"Поношение за глаза — запрещено всем мусульманам. Воистину, оно уничтожает все вознаграждения человека за дела добрые, подобно пламени, сжигающему и уничтожающему дрова"

(*"Усул Кафи"*, глава *"Злословие"*).

СВЕТ ВЕРЫ

«Аллах - друг тех, которые уверовали: Он выводит их из мрака к свету».
(Сура "Корова", 257).

Было прекрасное осеннее утро. Опавшие листья деревьев шуршали под ногами прохожих. Воробьи шумели, сидя на оголенных ветках. Прохладный осенний ветер пробирал до костей.

Шагая по листьям, Машхади Ильгар думал о творениях *Аллаха* и могуществе Творца. Немного отстав от него, Надир, друг Ильгара, опустив голову, как будто вовсе не замечал этой природной картины, раскидывал в стороны опавшие листья. Иногда поднимал голову и спрашивал что-то у своего друга.

Машхади Ильгар слыл одним из уважаемых и авторитетных молодых людей в своём квартале. С самого детства его знали и любили за то, что он был правдивым и верующим человеком. Ильгар всегда, по мере возможности, помогал всем и никогда не уклонялся от того, чтобы показать правильный путь другим. Да, он достиг своего желания, которого жаждал и лелеял в душе многие годы - он был в Машхаде, совершил паломничество к могиле Имама Ризы (*да будет мир с ним*) и вернулся только вчера. Было поздно, и Надир, который пришёл навестить Ильгара, остался ночевать у них. А теперь ранним утром они прогуливались в парке, чтобы подышать свежим осенним воздухом, а заодно купить хлеба.

Вдруг взор Надира упал на что-то чёрное, лежащее среди деревьев. "Что это может быть?" - сказал про себя Надир и подошёл поближе. Нагнувшись и посмотрев внимательнее, он опознал в нём упавшего на землю человека. Надир сказал:

— Эй, вставай! Ну, давай поднимайся! - затем, взяв человека за руку, потряс её. Тот, повернув к Надиру своё лицо, сонливо сказал:

— Ну что?... Что ты хочешь от меня?

Надир, почувствовав отвратительный запах водки, отвернулся и плюнул. На этот раз, тронув ногой пьяного, сказал:

— Давай вставай, уходи отсюда, нечего валяться тут! Но тот, не обращая внимания, повернул лицо в другую сторону и сказал:

— Да пошёл ты...

Надир позвал удаляющегося друга:

— Машхади! Машхади! Иди сюда.

Машхади Ильгар, ничего не зная, ещё продолжал ходить. Внезапно, услышав голос Надира, он повернулся и быстрыми шагами подошёл к нему.

— Кажется, со вчерашнего дня валяется здесь. Так напился, что от него ужасно несёт.

Машхади Ильгар нагнулся и посмотрел на того человека. Не узнав, он попытался приподнять его, но Надир сказал:

— Да брось ты! Нечего руки пачкать.

Но Машхади Ильгар не обратил внимания на его слова. Приподняв упавшего человека, усадил на ближайшую скамью. В это время тот открыл глаза, посмотрел на Ильгара и опустил голову, сказал:

— А-а-а, это ты, Ильгар?

Ильгар с удивлением посмотрел на пьяного и только теперь узнал его. Это же был Дима, живущий в их квартале! Диму он знал ещё с самого детства. Но Ильгар, после того, как Дима пристрастился к спиртному, больше не общался с ним.

— Надир, купишь хлеб и отнесёшь домой.

Надир, ничего не понимая, с удивлением спросил:

— А ты что, не идёшь?!...

— Нет, я, кажется, должен остаться. Я не могу оставить его здесь и уйти.

— Что ты возишься с ним. Да брось ты его...

Холодный взгляд Ильгара не дал Надиру договорить. Поняв, что говорить не имеет смысла он, поворчав, удалился.

— Дима, - сказал Ильгар, - что у тебя за вид?

Дима вначале ничего не хотел говорить. Но доброта и сострадание в голосе Ильгара словно растопили лед в его сердце. Ещё никто до сих пор так не разговаривал с ним, не расспрашивал его здоровье.

Дима рассказал всё, что произошло с ним. Стало ясно, что вчера вечером, напившись, он затеял дома очередной скандал, и мать, выгнав его, заперла дверь.

— Ну и что же ты будешь делать теперь? - спросил его Ильгар.

— Я и сам не знаю.

Вдруг Ильгара словно осенило. Решительно встав, он произнёс:

— Вставай, пойдём!

— Куда?

— К нам.

Дима растерялся от этих слов, которых вовсе не ожидал. Он просто не верил своим ушам. Поэтому снова спросил:

— Куда?!

— Сказал же, к нам!

Дима встал и, ничего не говоря, поплёлся за ним. Поравнявшись с их домом, Дима остановился как вкопанный, умоляюще произнёс:

— Может, я пойду? А?...

— Нет, давай заходи.

Домашние поразились поступку Ильгара, но ничего не сказали, так как не хотели его огорчать, к тому же, он никогда не совершал бессмысленных поступков.

* * *

Дима провёл у них три дня. За это время всё увиденное здесь произвело на него неизгладимое впечатление. "Боже мой! Как они прекрасно обращаются друг с другом. Младшие и старшие, все общаются между собой очень вежливо. Не ругаются, не гонят друг друга из дома. Не валяются под деревьями. Они... они живут как настоящие люди. Вот это - человеческая жизнь. А наша - как собачья", - думал Дима.

— Дима, что это ты погрузился в думы? - спросил Ильгар.

Неожиданно услышав эти слова, Дима вздрогнул, поднял голову и посмотрел. Машхади Ильгар положил на стол поднос, который держал в руках. Протянув Диме чай, внимательно посмотрел в его лицо:

— Ну что? Что случилось? Почему ты мрачен, как день ненастный?

— Знаешь, Ильгар, по правде говоря, я никогда не чувствовал свою жизнь так бесцельно прожитой, как сейчас. Ну, разве можно наш образ жизни назвать жизнью?

Машхади внимательно смотрел на него. На лице Димы отчётливо читалось чувство раскаяния. Отпив глоток чая, Ильгар кашлянул. Он хотел что-то сказать, подбодрить Диму. Но, задумавшись, снова замолчал. Он хотел, чтобы Дима, высказав всё, и тем самым излил душу и ему стало бы легче.

— Видишь ли, я хочу с сегодняшнего дня жить по-настоящему, как человек. Хочу стать таким, как вы...

Услышав это, Машхади Ильгар очень удивился. С изумлением посмотрел на него. В голубых глазах Димы он увидел всю искренность его слов.

— Дима, я очень рад, что ты сам пришёл к этому решению. Но знаешь, что наша жизнь, как такова, обязана Исламу. Мы познали *Аллаха* и поклоняемся только Ему, и Он создает среди нас любовь и дружбу. Все являются рабами *Аллаха*, и поэтому Он очень любит их, и для Него не имеет значения, кем бы они ни являлись: азербайджанцами, русскими или же другими.

Дима, улыбаясь, с восхищением смотрел на Ильгара. После его слов Дима почувствовал в душе возрождение какого-то удивительного чувства: чего-то родного и близкого. Каким родным стал теперь для него Ильгар! Потому что он тоже был Божьим рабом. Вдруг Дима горячо пожелал обнять и поцеловать его, но остановился; словно не хотел запачкать его своими греховными руками.

Некоторое время они так и смотрели друг на друга. Машхади Ильгар не хотел больше говорить, так, как он чувствовал то, что творилось в душе Димы. Он знал, что лишние слова могут испортить всё. Поэтому с такой же улыбкой ответил на чувства Димы. Неожиданные слова Димы очень удивили и обрадовали его:

— Ильгар, я тоже хочу стать мусульманином. Настоящим, молящимся мусульманином.

* * *

Прошло ещё несколько дней. В это время Ильгар научил Диму *калмейи-шахадат*, *гусл*, *вузу* и *намаз*. Дал ему чистую одежду из своего гардероба и объяснил многие идеологические вопросы.

По мере того, как Дима изучал и внедрял в жизнь изученное, он всё больше и больше чувствовал в своей душе возрождение таинственной красоты. Даже нрав его очень изменился; каждый раз, когда его спрашивали, он отвечал весьма учтиво, правда ещё немного стесняясь. Одним словом, он стал "настоящим человеком".

Однажды Машхади Ильгар поспешно пришёл домой. Прошёл в ту комнату, где был Дима. Тот читал книгу "Усулид-дин" (Основы религии), которую дал ему Ильгар. Дима, подняв голову, очень вежливо ответил на приветствие своего друга. Но, заметив серьёзность его лица и дрожь в голосе, спросил:

— Что-нибудь стряслось, Машхади Ильгар?

Ильгар не знал, что и сказать. Несколько раз кашлянув, подошел к Диме и спокойно встал у стола.

У Димы начало тревожно биться сердце, он почувствовал, что произошло что-то неладное. Захотел подняться, но у него ослабели колени. Ухватившись за стол, наконец, он поднялся. Снова спросил:

— Ну, что же случилось?!

Ильгар, поняв, что молчание не имеет смысла, сказал:

— Дима, твою маму отвезли в больницу. Кажется, она перенесла инфаркт.

У Димы подкосились ноги. Он медленно опустился на стул, охватил двумя руками голову. Хотел остановить непроизвольно накатывающиеся слёзы, но не смог остановить исходящий из глубины души плач и со стоном разрыдался.

Машхади Ильгар не стал противиться этому и спокойно отошел в сторону, чтобы Дима облегчил свою душу.

Но Дима не мог остановиться. Он всё плакал и плакал и никогда ещё с ним такого не происходило. Даже сам он удивлялся этому. Не знал, плачет по матери или же по грехам, совершенным раньше. Он только знал то, что душа у него как бы очищается. Теперь он хотел говорить и говорить с *Аллахом*.

Через некоторое время успокоился и, вытерев слёзы, спросил:

— В какую больницу её отвезли?

Узнав адрес больницы и номер палаты, а также извинившись, Дима попрощался с Ильгаром и с его семьёй и вышел из дома.

* * *

Улица казалось ему удивительной. Будто все вещи изменились. Каждая вещь казалась ему новой. Дмитрий понял: изменился он сам, а всё окружающее оставалось таким же, как и раньше. Теперь он смотрел на мир другими глазами. Раньше он с отвращением и неприязнью относился ко всему: ненавидел все вещи, даже самого себя. А теперь смотрел на всё окружающее, как на создания *Аллаха*..

Мать Димы лежала на койке и безучастным взглядом смотрела в один из углов комнаты. "Где же теперь Дима, что делает? Снова шатается по пивным? Упаси Господь! А может, что-нибудь

совершил, и его уже поймали, посадили в тюрьму?! Нет! Нет!... Не может быть! Нет!" Она очень расстроилась от этих мыслей.

Вдруг её взор упал на человека, стоявшего у двери. "Кто это такой? - подумала она, - Боже мой, совсем на Иисуса (*мир ему*) похож".

Стоявший у двери был Димой. Отпустив небольшую бороду, он действительно, немного походил на Иисуса (*мир ему*).

— Мама, мамочка! Мама! – сказал он и зашёл в комнату. Подошёл к койке, наклонился и с нежностью обхватил своими руками мамину руку.

Женщина не верила своим глазам:

— Дима, это ты?! Дима, Димочка! Боже помилуй, как же ты изменился!

— Мамочка, это я, Дима! Тебе нельзя волноваться, мама.

Мать хотела обнять и расцеловать своего сына, но не могла этого сделать, так как была слишком ослабшей. Вот так и смотрела изумлённо на сына.

— Мамочка, прости меня. Я тебя мучил. Больше ты не увидишь меня таким. Я сам буду за тобой ухаживать, сам.

Мама не верила своим глазам и ушам. И в правду, как же изменился Дима. Он был одет очень чисто и опрятно. Несмотря на то, что Дима не брил лицо, он выглядел красивее прежнего.

Мать не отрывала глаз от него ни на минуту. Она чётко видела на его лице выражение святости. "Может, произошло чудо?" - подумала она. Наконец, набравшись смелости, сказала:

— Димочка, я хочу спросить у тебя одну вещь.

— Конечно, дорогая мама. Я слушаю.

— Дмитрий, ну скажи мне, что произошло с тобой, ты очень изменился.

Сын с улыбкой посмотрел на неё:

— А почему ты спрашиваешь, мамочка? Разве я стал хуже?

— Нет, нет, дорогой ты мой! Просто изменение, происшедшее с тобой, очень удивляет меня.

Дмитрий немного покраснел. Он понял, что бессмысленно скрывать и с решительностью сказал:

— Мама, я стал мусульманином.

— Как? Стал мусульманином?!

Женщина на мгновение остолбенела. Дима быстро схватил её руку и ласково произнёс:

— Мамочка, дорогая! Ведь тебе же нельзя волноваться. Прошу тебя...

Но мать всё ещё с удивлением смотрела на него. Хотела что-то сказать, но Дима её опередил:

— А что, мама? Разве я совершил скверное дело?

— Нет, Дима. Я вовсе не хотела так сказать. Но ведь это дело у нас не принято. До сих пор ещё никто не отступал от своей веры. Сколько бы мы не были бедными, не отступали от Иисуса (*мир ему*).

— Да что ты говоришь, мама? Разве это вообще можно назвать отступничеством? Сам Иисус (*мир ему*) заявил, что «*после меня придёт пророк по имени "Ахмед" (да благословит Аллах его и род его) и все вы обязаны последовать его учению*».

Мать поразились этим словам. Ведь она до сих пор ещё ни от кого не слышала таких слов.

— А может тебе нравится прежний Дима? Тот Дима - пьяница, что шатался всё время по пивным, возился в мусоре и отбросах. Тот Дима, который говорил всё, что приходило ему в голову, изрыгал целый поток ругательств. Тот самый Дима, от грязных лохмотьев которого окружающие испытывали отвращение.

Дмитрий замолчал. У него подступил комок к горлу. Он расстроился из-за того, что не мог выразить все те высокие чувства, что были у него на сердце. А что же он мог поделать? Как же и в самом деле объяснить всё это матери, ну как?...

— Дима, объясни мне, откуда ты всё это узнал?

— Мамочка, всему этому научила меня Исламская религия. Ислам научил меня, что пить и ругаться – греховно. Ислам научил меня жить, как человек. Ислам научил меня всему. Теперь я понял, что являюсь рабом *Аллаха* и только Ему должен служить. Все мы Его рабы и возвратимся к Нему.

Слова Димы очень понравились матери и она с улыбкой сказала."

— Димочка, ты говоришь как знаменитые ораторы. Дима немножко повеселел, как увидел, что его мама смягчилась и тогда он снова начал говорить:

— Дорогая мамочка, религия Ислам научила меня тому, что человек всегда должен слушаться во всём родителей и не мучать их. Всегда и везде он должен хорошо обращаться с ними...

Замолчав, он взглянул на мать. У неё глаза наполнились слезами. Кое-как подавив душившие её слезы радости, она сказала:

— Сынок, если всему этому учит Ислам, тогда это религия – истинная. Тогда и я хочу стать мусульманкой!

Дима буквально взлетел от радости. Торопливо он произнёс:

— Мамочка, тогда повторяй за мной слова, которые я буду говорить - *калимейи-шахадат*:

— *Ашхаду ан ла Илаха иллаллах! Ашхаду анна Мухаммадан Расулуллах!*

* * *

Имам Али (*мир ему*) изрек: "*Уверовавший — найдёт спасение*".

("Гулар-уль-Хикам", глава "Вера").

ЧЕСТЬ

"Скажи верующим мужчинам, чтобы они потупили свои взоры... Это - чище для них. Поистине, Аллах сведущ в том, что они делают!"
(Сура «Свет», 30).

— Верни сдачу, сынок!

Ашраф глазел на красивую молодую девушку, которая проходила через улицу, и ничего не слышал.

— Сынок, разве я не с тобой? Ну, отдай же сдачу.

Ашраф немного вздрогнув от этих слов, повернувшись, посмотрел. Пожилой мужчина требовал сдачу из денег, которыми он оплатил проезд. Ашраф снова посмотрел на улицу. Девушка перешла дорогу и уже давно скрылась из глаз. С большим сожалением, покачав головой, сказал старику:

— Эх ты! У тебя что ли вкуса нет? Не видел, что за красотка? И впрямь прелесть, как, настоящий джейран!

Старик, покачав головой, сказал:

— Стыдно, молодой человек. Во-первых, я тебе в деды гожусь. А во-вторых... Ашраф не дал ему договорить:

— Слушай, а разве ты не был молодым? Не гонялся за женщинами?

— Конечно, и я был молодым, сынок. Но так, как ты, не поступал.

— А что же я такого сделал? - воскликнул Ашраф и с удивлением посмотрел в глаза своего собеседника.

— Ты ещё спрашиваешь, что сделал? Она же чья-то невеста или сестра. Как хорошо сказал поэт:

*Если зариться ты будешь на чужую честь,
Вскоре позарятся и на твою же честь.*

Ашраф вернул сдачу старику и сказал:

— Клянусь жизнью, хорошие стихи. Повтори их. Тот с интонацией повторил. Затем, когда хотел сойти с машины, Ашраф сказал ему:

— Стихи твои, конечно хорошие. Но знай и то, что ты не докажешь, что я не прав!

— Нет! Ты не прав! - услышал Ашраф голос позади себя.

С изумлением повернувшись, Ашраф посмотрел назад. Он не верил услышанному. "Кто это такой? Ты посмотри, как нахально посмел мне дерзнуть?" - подумал Ашраф. Обведя глазами буквально весь салон, он со злостью спросил:

— Кто это сказал?

В это время худой парень в очках, сидевший позади Ашрафа, отозвался:

— Это был я, ну и что?

— А ну, повтори ещё раз, что ты сказал! - нахмурился Ашраф.

Парень, на этот раз немного поколебавшись, повторил:

— Я сказал, что ты не прав.

Ашраф, протянув руку, схватил парня за воротник и, одним рывком оторвав его от сиденья, притянул к себе:

— Так это ты мне говоришь, что я не прав?!...

Тот, кому был задан этот вопрос, дёрнулся, дабы освободить свой воротник от крепких рук, но... не смог.

— Отпусти! Слышишь, пусти мой воротник! - закричал он.

Пассажиры, до сих пор спокойно смотревшие на происходящее, начали протестовать и кричать: "Безобразие!" Один из них, подойдя к Ашрафу, сказал:

— Браток, ну ошибся он. С кем не бывает?

— Сынок, да буду жертвой за тебя, не дерись, отправляйся в дорогу, - сказал другой.

— Ну, до каких пор будем торчать здесь? – ворчал ещё кто-то.

Ашраф сначала посмотрел на пассажиров, потом на парнишку и, толкнув его, посадил на прежнее место: — Впредь знай своё место!

Парень густо покраснел. Он искал очки, упавшие из-за сильного толчка. Один мужчина поднял очки, которые находились под ногами их владельца и с уважением протянул их ему...

* * *

Ашраф был молодым, рослым и сильным парнем. Уже несколько лет, как он работал водителем маршрутного такси. Несмотря на то, что он примерно два месяца тому назад был обручён, всё ещё не оставил свою дурную привычку — глазеть на красивых привлекательных девушек. Понравившихся ему девушек не упускал из вида до тех пор, пока тщательно не рассматривал до конца все их прелести. Ашраф даже заглядевшись на них, уже несколько раз совершал аварии и тем самым, попадал в большие неприятности и в немалые расходы.

Но сегодня он был погружён в думы. Стихи, прочитанные стариком, не выходили из памяти Ашрафа.

Он всё повторял их про себя и думал: "Как же это так возможно, что если смотришь на чужую честь¹, на твою собственную тоже посмотрят? Что это значит?"

Ашраф не знал и не понимал, какая же связь может существовать между этими двумя вещами.

Наконец, это его утомило. "Да ладно там, какому-то писаке взбрело в голову сказать что-то из праздности, а теперь ты убиваешься из-за этого", - сказал он себе и остановил машину на остановке. Пассажиры по очереди входили в машину. Ашраф, посмотрев в зеркало автомобиля, увидел, что все места были заняты, пустился в путь...

* * *

Однажды он снова остановил "маршрутку" на конечной и стал ждать, когда другая машина, стоявшая немного впереди, наберёт пассажиров. Был жаркий летний день. Лица от жаркой погоды были покрасневшими и лоснились. Ашраф то и дело вытирал пот платком, а затем, сложив его, обмахивал себя. Вдруг он вспомнил, что у него закончились сигареты. Сойдя с машины, он дал понять следующему после себя водителю, что идёт покупать сигареты.

Так как ближайший киоск был закрыт, Ашраф направился к киоску, который двумя-тремя улицами находился дальше. Купив сигареты, сразу же вынул одну из них. Сперва вытер пот со лба, а затем закурил. Хорошо затянулся и начал рассматривать прохожих. Две светловолосые девушки перешли улицу и теперь подходили к нему. А он смотрел на них и не мог оторвать глаз. Пройдя мимо глазающего Ашрафа, девушки ушли. Но Ашраф всё ещё смотрел вслед им. Снова затянувшись, глотнул слюну. Хотел уже отправиться, как его внимание привлекла одна молоденькая девушка, покупающая что-то в ближайшем магазине. Она стояла спиной к Ашрафу. Продавец протянул ей сдачу. Когда же она взяла сдачу, деньги выпали из её рук. Девушка наклонилась, чтобы найти их. В это время продавец, вытянув свою и без того длинную шею, начал смотреть на её талию. Ашраф даже почувствовал, как у этого продавца текут слюнки, и он с жадностью проглатывает их.

Найдя деньги, она поднялась. Продавец, улыбаясь, что-то сказал ей. Ашраф хорошо видел, с каким вожделением и похотью продавец рассматривал на неё. Как матерый волк рассматривает свою жертву, так и продавец внимательно рассматривал девушку с ног до головы.

Ашрафу показалось, что этот "волк" сейчас прыгнет на свою жертву и "разорвёт" её. Неожиданно она повернула своё лицо. Ашраф обомлел... он не поверил своим глазам. Это же была его невеста - Дилара!

¹ Здесь: жена, мать, дочь, сестра и невеста.

Ашраф словно был поражён молнией. Он стоял, как вкопанный, даже не почувствовал, как сигарета обжигает его пальцы. Ашрафу хотелось сейчас только одного: подойти, схватить за горло продавца и задушить его своими могучими руками. Он смял двумя пальцами сигарету. Только теперь он почувствовал боль обожжённой руки. Ашраф попытался быстро перейти улицу, но ноги уже не слушались Ашрафа. Он уже ничего не видел, кроме продавца. В это время шофёр одного автомобиля, мчавшегося на полной скорости, увидев человека, пытался затормозить. Но было поздно - машина сбила Ашрафа!...

* * *

Ашраф медленно открыл глаза. Его голова ломилась от боли. "Где я? Кто меня принёс сюда?" - подумал он. Но ничего не приходило ему в голову. И в это время он увидел медсестру, стоявшую над его головой. Тогда он начал смутно вспоминать всё происшедшее.

Медсестра наклонилась и посмотрела ему в лицо. Взяв его за руку, проверила пульс. Её тёплая рука оживила в нём какое-то сладострастное чувство. Он внимательно всмотрелся в лицо медсестры. Ашраф и в жизни не видывал такой красивой девушки. Длинные ресницы, тонкие брови, красивый нос... На красивых губах затаилась милая улыбка. Ашрафу показалось, что он понравился девушке. Захотел сказать пару комплиментов, но вдруг... он вспомнил сегодняшнее происшествие. Побледнел, затем издал глубокий стон и сразу отвернул лицо от девушки. С большим трудом повернул лицо к стене. "Нет, никогда! Ни за что! Никогда... нет! - взбудоражено начал стонать он. Медсестра, подумав, что у него ухудшилось состояние, поторопилась позвать врача. А отвернувшийся к стене Ашраф, тихо повторял стихи, всё ещё звучащие в его ушах:

Если зариться ты будешь на чужую честь, Вскоре и позарятся на твою же честь.

Великий Пророк (да благословит Аллах его и род его) изрёк: "Взгляд на чужую честь — одна из ядовитых стрел Шайтана, Каждому, кто, побоявшись Аллаха, не посмотрит на чужую честь, Аллах даст ему такую веру, что он почувствует её сладость в своей душе".

("Джами-ус-Са'адат ", 2 том, стр. 18).

ОБИТЕЛЬ НАДЕЖДЫ

"Держитесь все за вервь Аллаха и не разделяйтесь..."
(Сура "Семейство Имрана", 103).

Его звали Арзу. У него были большие чёрные глаза и невинный взгляд. Когда он плакал, его ресницы слипались друг с другом, а когда смеялся, то на щёчках образовывались ямки. На лице у него постоянно играла приветливая улыбка.

Он был ненаглядным любимцем своих родителей. Они вырастили его, заботясь и лелея. Никогда не уставали говорить ему "*джан*" - душа. И мама, и папа всегда потакали даже самой малейшей его прихоти. И это было не без причины. Ведь это же был их долгожданный ребёнок, которого они ждали семь долгих лет.

Часто дети, излишне опекаемые родителями и не сталкивающиеся даже с малейшими трудностями, живут в постоянном комфорте и удобстве и тогда вырастают с искалеченной душой, а впоследствии даже не признают своих родителей. Но Арзу не был таким. Он отличался буквально от всех детей. Ни с кем не ссорился и желал всем добра. Он соглашался принимать на себя все трудности и проблемы, лишь бы они не тяготили плечи других, а в особенности своих родителей.

Его мать и отец знали друг друга ещё со школы. После учёбы они поженились. Брак, основанный на любви и согласии, превратился через некоторое время во взаимное уважение. Но на протяжении долгих семи лет у них не было детей и постепенно у каждой из сторон проявились симптомы душевной тревоги и волнения по этому поводу.

Вот, в таких условиях, Всевышний *Аллах* дал им красивого младенца - мальчика. Так как долгие годы они желали ребёнка, новорождённого назвали "Арзу" - мечта. Конечно, нетрудно будет представить себе, что они оберегали его как зеницу ока.

Можно было бы сказать, что мама и папа посвятили себя своему чаду. Все мысли и грёзы непосредственно связывались с их сыном. Ребёнку было ещё 8-9 лет, но родители уже сейчас, обдумывая самые мельчайшие детали, планировали его будущую жизнь. Мать даже представляла себе будущую невесту.

Вот так и рос маленький Арзу. Родители, каждый раз смотря на него, радовались и их сердца наполнялись нескончаемым счастьем.

Но в тот тревожный день... В тот день всё перевернулось, душевная радость отца и матери сменилась печалью и грустью. Теперь их всегда смеющиеся глаза походили на источник печали и слёзы, который не мог иссякнуть. Что же случилось в тот день?

Говорят, что материнское сердце беду предчувствует. Ещё с самого утра у матери было тяжело на сердце. Она и сама не знала почему. Поминутно смотрела на часы и очень беспокоилась. До возвращения Арзу из школы оставалось ещё два часа. Но, несмотря на это, она то выглядывала из окна на улицу, по которой должен был прийти Арзу, то прибирала, в который раз и без того чистую комнату. Так прошёл час. Женщина уже не могла больше вытерпеть. Взяв трубку телефона, позвонила мужу:

- Алло, Ариф, это я.
- Здравствуй, ну как дела? Арзу ещё не пришёл?
- Нет, пока ещё не пришёл. Ариф, а может быть, сегодня ты сам заберёшь его из школы?
- Ай, Севиль, ты же прекрасно знаешь, что у меня дел по горло.
- Ну, только сегодня...
- Да что же случилось?
- Ничего... Я и сама не знаю. Просто с самого утра у меня плохое предчувствие.
- Не будь ребёнком, Севиль. Разве Арзу каждый день не ходит по этой дороге?

- Правильно, но... не знаю, я очень волнуюсь.
- Ничего не случится, не волнуйся. Ну ладно. Нет ли других дел?
- Нет...

Попрощавшись, Севиль положила трубку. Встав, начала прохаживаться по комнате. "Как же долго проходит этот час, " - подумала она. Каждая минута была для неё целым часом.

Наконец, прошёл и этот час, но Арзу всё ещё не пришёл. Мать подошла к окну и начала пристально смотреть на улицу. Звуки машин переплетались с чириканьем воробьев, сидящих на деревьях. На улице каждый спешил по своему делу. Но никто из них не знал ничего о буре, бушующей в сердце матери.

"Почему он всё ещё не пришёл?!" - сказала она и начала ходить по комнате взад и вперед. Но вдруг остановилась. О чём-то подумав, взяла пальто. В то время, когда она подошла к двери, раздался звонок. Мать открыла дверь и тут же произнесла "вай!", ударила себя по голове: соседский сын Эльчин принёс Арзу на своих руках.

— Вай, горе мне! - сказав это, она хотела взять ребёнка. Эльчин прошёл внутрь комнаты и положил Арзу на кровать.

— Тётя Севиль, я возвращался с урока, - начал говорить Эльчин, - издали я увидел, что Арзу взобрался на крышу одного из обветшалых домов. Ребята забросили портфель одного из маленьких школьников на крышу, и ваш сын хотел достать этот портфель. Когда Арзу бросил портфель тому школьнику, старая крыша проломилась и Арзу упал. При падении он тяжело ударился головой. Мама смотрела то на сына, то на Эльчина, причитала и била себя по лицу. После, немного прийдя в себя, поискала в телефонной книжке номер своего мужа, затем сказала:

— Эльчин, да буду жертвой за тебя, возьми это, позвони дяде Ариффу, скажи пусть приедет.

Мать осторожно подняла голову ребёнка. Из его затылка текла кровь. Сразу взяв ножницы, женщина постригла волосы ребёнка в месте травмы. После этого взяла немножко ткани и сожгла её. Пеплом она прижгла его рану. Закончив это, перевязала бинтом голову ребёнка.

Арзу всё ещё лежал без сознания. Немного погодя, пришёл Ариф. Его лицо было белым, как полотно. Войдя в комнату, он сразу же подошёл к кровати.

— Он до сих пор ещё не открывал глаза, - послышался слабый голос Севиль.

— Сынок, Арзу! Открой глаза! Это я, твой папа, открой глаза, слышишь, открой! – сказав это, он приблизил руку Арзу к своим губам.

После некоторого времени послышался слабый стон Арзу. Постепенно он открыл глаза. Севиль с Арифом стояли у изголовья ребёнка и смотрели на него с предельным волнением. Они были так растеряны, что никому из них и в голову не пришло вызвать "скорую помощь".

— Сынок! Родной ты мой сыночек! - на этот раз проговорила Севиль.

— Мамочка, мама! - ребёнок говорил очень слабым голосом.

— Арзу, сынок, что у тебя болит? - спросил Ариф.

— Папа, включи свет.

Севиль и Ариф с ужасом посмотрели друг на друга. Ариф почувствовал, что у него подкашиваются ноги.

— Папочка, включи свет, здесь темно.

Севиль начала царапать от горя лицо и тут же потеряла сознание...

* * *

Прошли месяцы с момента этой печальной истории. Не осталось ни одного врача, которому не показали бы ребёнка бедные родители. Но ничто не помогало. Как ни лечили Арзу, какое бы лекарство не давали ему – зрение его не возвращалось.

Голова у Арифа значительно поседела, горе сторбило его спину. Он больше не следил за своей внешностью.

А Севиль всё чаще падала в обморок, у неё появились различные болезни. Она обвязывала свою голову и поясницу толстой шерстяной шалью, и каждый, кто бы ни посмотрел на неё со стороны, подумал бы, что она очень стара.

Родители больше не радовались, только тихо горевали. Но когда смотрели, как их ненаглядное чадо ходит, держась за стену, то безутешно и горько плакали.

А однажды, один случай ещё более расстроил их, и без того опечаленные горечью и страданиями, сердца. Ариф, как обычно, приводил Арзу из школы для незрячих. По просьбе сына, он вместе с ним сел на скамейку. Ариф снова закурил, едва закончив предыдущую сигарету. "Папа, ты слишком много куришь", - сказал Арзу и попросил его не курить так много. Ариф, прослезившись, в ту же минуту выбросил сигарету и, обняв сына, поцеловал его. Дал ему обещание, что больше не будет курить. В это время в том месте проходил друг Арифа. Поравнявшись с ними, он поздоровался. Начал спрашивать о делах Арифа и о состоянии Арзу. Но, увидев, что у Арифа нет настроения, он поспешил распрощаться. Уходя, нагнулся и тихо прошептал Ариффу, что его обувь очень грязна и нуждается в чистке. Арзу это услышал, но ничего не сказал.

Наступила полночь. Севиль проснулась от звука, доносившегося из-за двери. Тихо встав, разбудила мужа. Арзу не было на своём месте. Муж и жена осторожно подошли к двери и увидели, что Арзу, сев на колени, своими маленькими руками чистит туфли папы. У Севиль, увидевшей эту сцену, чуть не разорвалось сердце. Она прислонилась к стене, и если бы Ариф не поддержал её, то она непременно упала бы. Затем он уложил жену на кровать. После этого прискорбного происшествия состояние матери ещё более ухудшилось...

* * *

В один день, когда Ариф возвратился с работы, Севиль ему сказала:

— Приходил Газанфар, отец Эльчина. Он говорил, что поедет с группой в Машхад, и если хотите, то вы тоже откройте визу, поедем вместе.

Ариф удивлённо смотрел на свою жену. "Как же случилось, что эта мысль до сих пор не приходила мне в голову?" - подумал он. Затем, что-то вспомнив, сказал:

— Как же ты поедешь в таком состоянии? (Севиль была не в состоянии свободно пройти даже два шага). Хочешь, позвони своей сестре, пускай приедет и останется с тобой...

— Нет, нет, я не могу оставить ребёнка вдали от своих глаз, - решительно сказала женщина.

Но Ариф знал, что Машхад – их последняя надежда. Поэтому он с трудом добился того, чтобы Севиль согласилась остаться дома.

После нескольких дней, наконец, всё было готово. Так как состояние матери было плохое, она, лёжа в постели, одела ребёнка, затем поцеловала его. После этого она вдруг безутешно заплакала. Она так много плакала, что лицо ребёнка стало совершенно мокрым. Мать провожала их с огромной тоской...

* * *

Машхад! Священный город! Священная гробница восьмого из двенадцати Святых Имамов - Имама Ризы (*мир ему*)! Сколько раз слышал Ариф рассказы о чудесах, совершённых Имамом Ризой (*мир ему*). Здесь было пристанище угнетённых, место защиты для беззащитных, обитель надежды для отчаявшихся и обездоленных...

Вот, теперь они подходят к святому Хараму². У Арифа усиленно бьётся сердце, он так и хочет всем своим существом войти в святыню. Он думал, что после того, как он поклонится святыне и выскажет свое желание, Имам Риза (*мир ему*) сразу же исцелит ребёнка и они возвратятся. Но...

Прошло три дня. Все прибывшие после того, как расположились в гостинице и отдохнули, проводили часть времени в паломничестве, а другую - в покупках.

А Ариф, можно сказать, с утра до вечера был в Хараме. Он то и дело, не зная усталости, водил Арзу, держа за его маленькие ручки, вокруг усыпальницы Имама (*мир ему*). Но ничего ещё не происходило. В последний день все пришли на прощальное паломничество. Ариф очень беспокоился. Он знал, что это его последний шанс. Он не знал, что сказать, каким образом умолять Имама Ризу (*мир ему*). Наконец, приведя Арзу, усадил его около святой усыпальницы. Затем, поручив Газанфару следить за ребёнком, подошёл к усыпальнице и начал горько рыдать и плакать...

² Харам - т.е. священный храм.

Вокруг усыпальницы было много людей. Некоторые били себя в грудь³, некоторые пели *ноуха*⁴, другие произносили *салават*⁵, а иные плакали... Все звуки, голоса и шум сплетались, соединялись воедино. Но Ариф ничего не слышал. Склонив лицо к священной усыпальнице, он всё скорбил и повторял:

— О, мой Господин! Эй, святой Имам! Да буду жертвой за тебя, да умру за тебя, не отпускай нас с пустыми руками! Мы больше не возлагаем надежды ни на кого и ни на что! Куда нам идти?! У кого искать снисходительства?! К чьей двери обратиться нам взоры, кроме как к двери вашего дома. О, Имам! Дай Арзу исцеление, да буду я жертвой за тебя! Я больше не могу смотреть в лицо его матери – она тает день за днём. Если ты нас отпустишь с пустыми руками, то как я вернусь домой?! Да буду жертвой за тебя, о, святейший Имам Риза (*мир ему*)!!! Это же для нас больше невыносимо, спаси нас, не возвращай с пустыми руками!...

Толпа, окружившая гробницу, всё более и более возрастала, и поэтому звук, шум, гул тоже всё возрастал и усиливался.

Маленький Арзу сидел тихо в одном углу. Он внимательно прислушивался к этим голосам: один мужчина очень жалобно говорил на азербайджанском языке:

— Эй, Имам, умерший на чужбине, заклинаю тебя твоей сестрой - Ма'сума (*мир ей*), которая тоже умерла вдали от родины - в Куме, сестрой, которая очень любит тебя ...

У Арзу сердце разжалобилось. А тот мужчина всё продолжал так же жалобно говорить:

— О, Имам Риза! Заклинаю тебя твоей сестрой - Ма'сума (*мир ей*)...

Арзу встал на ноги. Газанфар сразу же схватил его руку.

— Дядя Газанфар, отнеси меня к Иمامу Ризе (*мир ему*), — сказал мальчик.

Газанфар с трудом приблизил его к решётке гробницы.

Арзу своими маленькими ручёнками взялся за решётку и затем приблизил свои губы к ней; он некоторое время стоял так. Затем, плача, начал повторять только что услышанные слова:

— О, Имам Рза! Заклинаю тебя твоей сестрой!... Несколько раз, повторив эти слова, он тихо проговорил:

— Эй, Господин! Говорят, что голова у моего папы очень поседела, а мама очень сторбилась. Они из-за меня живут в постоянных мучениях. Я не хочу, чтобы они мучились. Попроси у *Аллаха*, чтобы послал мне смерть, пусть они успокоятся...

Арзу совершенно серьёзно говорил эти слова. Он понимал, что стал причиной душевных мучений своих родителей, из-за него они живут в печали и скорби. А Арзу не хотел этого. Не хотел, чтобы кто-то страдал за него. Наоборот, он был готов, сам страдать за других.

Вдруг он почувствовал какой-то прекрасный аромат. Он никогда в жизни не чувствовал такого.

Аромат этот никак не походил на запахи этого мира и всё более возрастал. Затем Арзу ощутил перед своими глазами свет. Голова у мальчика немного закружилась, и он был вынужден ухватиться за решётку усыпальницы, чтобы не упасть. Маленький Арзу почувствовал, что занавесь, долгое время закрывавшая его глаза, теперь "тает"!

Арзу смутно видел силуэты людей. Приблизив лицо к усыпальнице, он поцеловал её. Снова повернул лицо к людям.

Теперь он всё видел!

Ариф спокойно стоял, склонив голову к усыпальнице. Он теперь знал только одно: больше не хочет жить в этом мире. Для него этот мир уже потерял свой смысл и стал невыносимым. Ариф уже не радовался ничему на этом свете.

Ему больше нечего было сказать. Люди толкали друг друга, каждый хотел пройти вперёд. В это время в создавшейся толкотне Арифа отодвинули на довольно большое расстояние от усыпальницы. Ариф понял, что оставаться не имеет смысла. Ничего не говоря и склонив голову, он пришёл в то место, где сидел Арзу. Взяв за его руку, сказал:

— Пойдём сынок, нигде нам нет места.

Арзу, двумя руками ухватившись за отца, сказал:

³ Битьё себя в грудь - вид траурной процессии.

⁴ Так называется траурная песня, посвященная мученической смерти святых Имамов.

⁵ Особое приветствие, посвященное Пророку Мухаммеду (*да благословит Аллах его и род его*) и его Роду (*мир им*).

— Папа, Имам дал мне исцеление.

Ариф сначала ничего не понял. Пристально взглянул на сына. Тот, в отличие от прошлого раза, смотрел прямо в глаза отцу...

— Папочка, Имам Риза дал мне исцеление, - повторил он, — я теперь вижу всё!!!

Отец словно только сейчас проснулся от сна. Он словно не верил тому, что услышал. В это время Газанфар спокойно взял его за руку:

— Ариф, давай уйдём отсюда, пока этого никто не понял. А то каждый возьмёт по лоскутку от одежды этого ребёнка, - а потом быстро добавил, - то есть с целью благословения и исцеления. Ариф стоял, как вкопанный. Он не знал обнимать сына или же усыпальницу. Затем, быстро обернувшись, подошёл к решётке гробницы. Разрыдавшись от счастья, он сказал:

— Эй, Имам! Эй, Имам Риза, погибший на чужбине, да буду я жертвой за тебя! Ай, Имам! Ай, Имам! Да буду я жертвою твоей! Да буду я твоей жертвой! Да буду я твоей жертвой!...

Пророк Мухаммед (да благословит Аллах его и род его) изрёк: *"После меня придут Имамы, которых двенадцать, девять из которых — из рода Хусейна (мир ему). Махди этой уммы — тоже от нас. Кто после меня ухватится за них, на самом деле ухватился за крепкую вервь Аллаха, А кто откажется от них и бросит их, на самом деле откажется от Аллаха"*.

("Кифайат-ул-Асар", стр. 94).

ШАХИД (МУЧЕНИК)

"Не говорите о тех, которых убивают на пути Аллаха: «Мертвые!» Нет, живые они! Но вы не ведаете этого".

(Сура "Корова", 154).

Эльчин быстро бежал вниз по лестнице. Когда он подошёл к распахнутым выходным дверям института, остановился, увидев своих товарищей - студентов: парня и двух девушек, которые махали ему руками. Они, смеясь, подошли к Эльчину. Парень, тяжело дыша, сказал:

— Так быстро бежишь, что никак не угнаться за тобою.

Эльчин тыльной частью своей руки хлопнул по его большому животу и сказал:

— Надо худеть. Тренироваться надо.

Девушки, которые были вместе с толстым юношей, засмеялись.

— Элик, а где твоя машина, что-то я не вижу её? - поинтересовалась одна из девушек.

Эльчин сразу принял "важную позу". Ничего не сказав, вышел на улицу и остановился около машины марки "Мерседес".

— Ну как? - сказал он.

Приятели смотрели, разинув рты от изумления.

— Папина? — спросил толстый парень.

— Купил для меня, - Эльчин, открыв дверь машины, французским жестом пригласил девушек, - прошу вас.

Эльчин ездил по городу. Толстый, откинувшись на удобное кресло, наслаждался.

— Ну, рассказывай, что нового? - сказал ему Эльчин.

Одна из девушек, сидевших на заднем сиденье, заговорила:

— Сейчас на уроке он мне столько анекдотов нарассказывал, что я чуть не лопнула от смеха.

— Правда? Ну и нам расскажи, - Эльчин посмотрел на толстого.

Толстяк, повернув лицо, сказал девушке:

— Нара, а может ты будешь рассказывать? Хи - хи - хи...

— Ну нет. Когда ты говоришь, смешнее получается.

Парень начал рассказывать. Эльчин столько смеялся, что понял, что если и дальше будет продолжать в том же духе, то скоро разобьёт машину. Поэтому он вскоре остановил её.

А тот всё так же продолжал рассказывать свои анекдоты и смешить всю компанию. Их голоса разносились повсюду, так как окна машины были открыты. В это время один молодой человек подошёл к машине. Нагнувшись, сказал Эльчину:

— Брат, можно тебя на минуту?

Эльчин, повернувшись, посмотрел. Это был приятный молодой человек лет двадцати четырех – двадцати пяти.

— Чего тебе? - спросил Эльчин.

— Дело есть.

— Какое дело? - Эльчин сразу стал серьёзным.

— Одну минуту...

— Что, не можешь здесь сказать?

— Нет...

В это время толстяк вмешался:

— Эй ты, приятель, не отнимай у нас время, говори, что надо?

Молодой парень холодным взглядом заставил его замолчать.

Эльчин резким движением открыл дверь. Выйдя из машины, он остановился прямо перед лицом юноши. Тот, спокойно взяв его за руку, попросил отойти в сторону. Эльчин, недоумевая,

посмотрел на сидящих в машине, затем на молодого парня, а после, ничего не сказав, пошёл вслед за ним. Отдалившись от машины на небольшое расстояние, молодой человек сказал Эльчину:

— Видишь то здание?

— Да, вижу, ну и что?

— Что там?

— Мечеть.

— А флаг на её двери как, видишь?

— Да, вижу.

— Какого цвета?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего, спрашиваю какого цвета флаг?

— Чёрного, ну и что?

Юноша не ответил. Он опустил голову. Эльчин с удивлением смотрел на того юношу, на его чёрную как смоль бороду. Вдруг тот поднял голову и спросил:

— А, по-твоему, почему чёрного цвета? - при этих словах он посмотрел прямо в глаза Эльчина.

— Не знаю.

Молодой парень снова замолк. На этот раз Эльчин прервал молчание:

— А почему чёрного цвета? Юноша ответил немного тихим тоном:

— Потому что сейчас месяц "Махаррам".

— А что такое "Махаррам"? - снова спросил Эльчин. На этот раз его собеседник смягчённым тоном голоса ответил:

— Имам Хусейн (да будет мир с ним) - третий из наших Святых Имамов, он стал шахидом в этом месяце. Вот поэтому и мусульмане в этом месяце не радуются, не справляют свадьбы и не проводят увеселительные и торжественные церемонии, а наоборот они пребывают в трауре. Они скорбят и оплакивают Имама Хусейна (*мир ему*). Я шёл в мечеть, увидел, что вы всё смеётесь и смеётесь, вот поэтому и посчитал своим долгом напомнить вам об этом.

Эльчин ничего не говорил. Он просто не знал, что сказать. После некоторого времени уважительно спросил:

— А что делаете в мечети?

Молодой человек, как будто немножко растерялся от этого неожиданного вопроса. Но, сразу взяв себя в руки, ответил:

— Совершаем *намаз*, слушаем проповедь, - затем с некоторой неуверенностью добавил, - если хочешь, пойдём, увидишь сам, что делаем.

Эльчин от этого предложения вздрогнул. Его сердце начало учащенно биться.

— Нет, нет, это я так спросил, - сказал он. Затем добавил:

— Прости меня, я не знал, что в этом месяце нельзя делать такие вещи.

Молодой парень, внимательно рассмотрев его, произнёс: "Да простит *Аллах*", - и быстро удалился.

Эльчин некоторое время смотрел за ним. Молодой человек зашёл в дверь, над которой висел чёрный флаг и скрылся из глаз. В это время послышался голос толстого приятеля:

— Элик, ну где ты застрял, приходи!

Эльчин неохотно зашагал к машине. Друзья не сводили с него глаз. Сразу, как он сел, толстяк спросил:

— Что с тобой приключилось?

— Ничего не случилось, - спокойно ответил Эльчин.

— Меня не проведёшь... Знаю, что-то случилось.

— Сказал же, ничего не случилось, - Эльчин положил голову на руль.

— Рассказать анекдот? - не отставал толстяк. Эльчин вдруг подняв голову, посмотрел на толстяка.

Красное лицо, жирные щеки, бесстыжие круглые глаза, - всё это вдруг создало у Эльчина чувство отвращения. "Как же я подружился с таким низким человеком?" - подумал он. Эльчина

затошнило и сразу отвернувшись от него, посмотрел на улицу. Она была спокойной. Изредка проходили люди и каждый спешил по своему делу.

Толстый, откашлявшись, хотел начать, как Эльчин оборвал его на полуслове:

— Заткнись!

Круглые глаза этого толстого, как будто ещё более округлились, увеличились и казалось, что сейчас выпадут из орбит.

— Что ты сказал?! Это ты мне?!...

— Да, тебе! Убирайся отсюда!

— Ну что ты, Элик! Да что с тобой? - вмешалась одна из девушек.

— Я тебе покажу! - сказал толстяк и с поразительной для него быстротой выйдя из машины, что есть силы захлопнул дверь и ушел. Девушки, увидев такой оборот дела, быстро попрощавшись, тоже открыли двери машины и ушли.

Эльчин некоторое время оставался так. Затем завёл машину и отъехал от этого места. Приблизившись к Приморскому парку, остановил машину в одном месте. Присел на свободной скамье и начал смотреть на море. Чайки кружились над морем, искали себе корм, время от времени бросались камнем вниз и, схватив корм, снова поднимались ввысь.

Слова молодого человека не выходили из памяти Эльчина. "Махаррам", "шахид", "Имам Хусейн" (*мир ему*), всё это со скоростью и поочередно пролетало в голове. Он просидел так несколько часов. Почувствовав, что уже опустилась ночь, он встал и пошёл к машине...

Все были дома. Отец сидел на диване и читал газету. Сестра с матерью смотрели телевизор. Эльчин хотел неслышно закрыть дверь. Но он не сумел ухватиться за ручку, и дверь громко захлопнулась. Все обернулись и посмотрели на дверь. Эльчин, ничего не говоря, прошёл в свою комнату. Но, закрывая дверь, он всё-таки отчётливо услышал голос сестры: "Папа, я же говорила тебе, не покупай ему эту машину. С утра до самого вечера только бездельничать будет".

Эльчин ничего не сказал. В другое время он ответил бы ей, показал бы, кто есть "бездельник". Но сейчас не ответил. Даже не обиделся. Улёгшись на кровати и положив руки за голову, он устался в потолок...

* * *

Прошло три дня. Эльчин всё крутился около мечети, но не решался войти внутрь. Наконец, набравшись смелости, приблизился к двери мечети. Немного нагнувшись, посмотрел внутрь. Изнутри доносился голос, но Эльчин не увидел говорящего. Не знал, что и делать: войти в мечеть, или же не входить?

Несколько мужчин, разговаривая, прошли около Эльчина и вошли в мечеть. "Ну не съедят же меня", - подумал он и вошёл в мечеть вслед за ними. Постояв в сторонке, он начал смотреть вокруг. Один из тех мужчин, которые только что вошли, вынул из кармана деньги и опустил их в ящик, где было написано "ящик пожертвований". После этого он сел в одном из углов мечети.

Эльчин быстро протянул руку к своему карману. Не придавая значения сумме, он вытащил несколько крупных купюр и опустил их в ящик для благотворительности. Затем прошёл и сел на свободном месте. Сначала он хотел сесть как тот мужчина. Но, заметив, что каждый сидит, как хочет, немножко успокоился. Снова посмотрел по сторонам. Никто не обращал на него внимания. Все, подняв голову, смотрели на говорящего, который сидел на возвышении, имеющем вид высокого кресла с лестницей. После нескольких минут Эльчин уже чувствовал себя полностью свободным. Теперь его мысли, душа были спокойны; мучившие его мысли больше не существовали. Теперь он уже внимательно слушал проповедь.

Человек говорил о вторжении врагов на Родину, о совершённых ими злодеяниях.

Эльчин внимательно слушал. Слова того человека оказали на него большое влияние. В особенности, когда он рассказывал про бесчинства и обиды, нанесённые этими разбойниками женщинам и девушкам, у Эльчина кровь кипела в жилах. "Подонки, ничтожества, звери, ублюдки!" - шептал он себе.

А проповедник всё продолжал говорить. Он воодушевлял молодых сражаться за правое дело. Приводил аяты, *хадисы*. Говорил о высокой моральной ступени *шахадата* — мученической смерти, о том, что никакое вознаграждение добродетели не сравнится с вознаграждением мученика (*шахида*).

А Эльчин всё слушал. Эти слова были для него чрезвычайно интересными. "*Шахиды* - не умирают", - говорил проповедник; он приводил аяты из Корана, хадисы и предания. Затем, понемногу изменив тему, начал говорить про Имама Хусейна (*мир ему*).

А Эльчин всё слушал. И чем больше говорили про Святого Имама Хусейна (*мир ему*), тем больше возрастала любовь к Иمامу в сердце Эльчина. Рассказывали про то, что путь Имама Хусейна - путь правды, рассказывал про героизм и угнетённость Имама. О том, что как Имам Хусейн (*мир ему*) остался один, без друзей и сторонников, на поле битвы.

А Эльчин всё слушал. У него стояли слёзы в глазах. Как он хотел, чтобы сейчас, сию же минуту, быть в Карбале, в самой гуще сражения, уже он бы показал Йазиду⁶!

А проповедник всё говорил и говорил:

— Один поэт из куфийцев, по имени Йа'губ, рассказывает: «Однажды, когда я вернулся домой, застал свою мать расстроенной. Спросил у неё, что случилось, и она сказала, что, хочет отправиться и увидеть своего Имама, поговорить с ним, выразить свою преданность и уважение. Я ответил ей, чтобы немного подождала, пусть у меня улучшится материальное состояние, соберу немного денег и тогда, обязательно, отвезу её к Иمامу.

Но всякий раз, когда я приходил домой, застаивал мать плакавшей. Однажды, услышав новость, пришел к матери и сказал, что восстал один из непокорных халифату мятежников, и что халиф призывает всех людей отправиться воевать с ним, я тоже отправляюсь на эту битву, соберу трофеи и потом, продав их, поеду вместе посетить Имама. Моя мать согласилась, но посоветовала, чтобы я не полагался слишком на куфийцев, не верил им...

Подоспевши на место сражения, я увидел, что молитва моей матери не была принятой. Всё уже было кончено: тех, кого могли, убили, а других – обокрали. (Он пришел туда в день "Ашура"⁷). Тогда я пошёл к Омару Са'ду⁸ и сказал, что хотел принять участие в сражении, но опоздал. Омар Са'д возразил мне, что я пришёл как раз вовремя. Потом, протянув мне саблю, спросил, вижу ли я того мятежника, лежавшего невдалеке. Приказал пойти и отрезать ему голову, обещал много денег.

Я подошёл к тому человеку и начал смотреть на него. Про себя сказал, что не буду его убивать; я же не знал, в чём он виноват. Вдруг, он открыв глаза, посмотрел на меня и с улыбкой произнёс:

— Йа'губ, подойди поближе, отрежь мою голову и поторопись, потому, что тебя ждут дома. Но не давай мою голову Омару Са'ду, отнеси её твоей матери.

Я спросил его, что кто он и откуда знает меня? Он ответил:

— Йа'губ, тот Имам Хусейн (*мир ему*), которого так хотела увидеть твоя мать – это я.

Когда рассказчик подошёл к этому месту, то у Эльчина вырвался жалобный вопль. В порыве чувств он обнял голову руками и раскачиваясь стонал, говоря "вай-вай". Присутствующие в мечети тоже плакали и стонали, но стон Эльчина был более жалобным и печальным. Слёзы так и струились по его лицу, капая как дождь на ковёр мечети.

Все смотрели на этого юношу, одетого по последней моде и удивлялись. Старики, молодые, дети - все были растроганны его плачем.

А он всё плакал и плакал, слёзы не переставали течь. Как будто, он потерял самого близкого из родных. Немного так поплавав, он успокоился. Один старик, сидящий около Эльчина, протянул ему руку, в которой была тетрадь:

— Возьми, сынок, это, время от времени молись и за меня.

Эльчин не глядя ему в лицо, протянул руку и взял её...

* * *

Он уже всё обдумал и решил. Собрал в вещь-мешок всё необходимое. Затем, взяв клочок бумаги, написал записку и положил на стол:

⁶ Йазид - сын Муавие, подобно своему отцу, узурпировавший власть в халифате, по приказу которого был предан мученической смерти Имам Хусейн (*мир ему*).

⁷ Десятый день месяца Махаррам; в этот день жестоко убили Имама Хусейна (*мир ему*).

⁸ Один из противников и убийц Имама Хусейна (*мир ему*).

"Мама, я не буду дома несколько дней. Не волнуйся. Целую тебя. Эльчин".

В последний раз он обвёл комнату глазами. Хотел уже выйти, как вдруг его взгляд упал на тетрадь, лежащую на кровати. Взял её, начал перелистывать. Это был сборник стихотворений, различных *ноуха* и *марсия*⁹. Сев на кровать, он начал читать:

***Иссох язык мой от жажды, взгляните на уста мои.
Эй, вражье племя, дайте глоток утолить жажду свою.***

Эльчин растрогался. Снова приступил к чтению:

***Кто, как ты Хусейн даст в жертву родичей, И семью свою
И как ты за дело правды отдаст кровь, И главу свою.***

* * *

***О трагичной Карбале ты Имам, Хусейн, Хусейн,
О лишённой воды Ефрата ты Имам, Хусейн, Хусейн.***

* * *

***Зейнаб вот идёт с тревогой по пустыне в Карбале. Видит вот
упал обезглавленный наш Имам в Карбале.***

* * *

***Как только распорядился Шимр-безбожник, лицемер:
«Поджигайте, обворуйте их шатры в этот день».
Чуть не грянул в Карбале жаркой
День Последний, Страшный, Судный День.***

Эльчин плакал. Он хотел вытереть тыльной стороной руки слёзы, но не мог, так как они лились рекою:

***За Хусейна будут плакать земли, небеса.
И Пророк наш, Святейший Мустафа.***

Эльчин поднявшись, сложил тетрадь, положил в карман и вышел из комнаты. Он ушёл на фронт...

* * *

Уже прошел приблизительно один месяц, как он был на фронте. За это короткое время он показал такую смелость и доблесть, что все только и говорили о нём. Даже ходили слухи, что враги назначили за его голову большую награду.

Был вечер. Ополченцы по два, по три человека сидели вокруг разожжённых костров. Завтра их ожидал тяжёлый бой. Эльчин сидел один около костра. При свете огня он листал сборник, один за другим читая стихотворения. За время, которое он был здесь, на фронте, очень изменился, да так, что и сам себя не узнавал. Он страстно любил Имама Хусейна (*мир ему*). Когда произносили имя этого Святого, то Эльчин, независимо от себя, плакал.

И теперь он сидел в одиночестве и тихо пел вслух эти стихи. В это время он увидел, что кто-то идёт в его сторону. Это был худой, среднего роста юноша. Эльчин его узнал. Ребята называли его "поэт". Подошедший к Эльчину, "поэт" присел к костру. Приблизившись к огню, затем, потеряв руки, сказал:

— Эльчин, зачем ты всегда сидишь в уединении?

Он ничего не ответил. Подняв палку с земли, раздвинул горящие угли. "Поэт" словно немного был смущён своим вопросом. Поэтому опустил свою голову. В это время Эльчин спросил:

— Почему тебя называют "поэт"?

⁹ То же самое, что и *ноуха* - т. е. стихотворение-мистерия, в котором оплакивается смерть святых Имамов (*мир ему*).

Тот, увидев такой оборот дела, улыбнулся и сказал с желанием:
— Да так. Время от времени пишу стихи.
— А мне прочитаешь?...
— Ну, конечно. Обязательно прочитаю.
Сказав это, он вытащил из кармана рубашки блокнот. Немного полистав, проговорил:
— А вот, нашёл. Это я недавно сочинил. Эльчин с интересом стал слушать.
— Знаешь Шахрияра? - спросил у него "поэт".
— Так, немного. Слышал о нём.
— У него есть поэма под названием "Хейдарбаба". Я написал стихи-подражание на ту поэму.
Слушай, - "поэт" принял подобающую для этого позу и начал декламировать:

*Хейдарбаба, не волнуй души тревожной,
Дороги не закрывай и речки шумной,
Путнику пора в дорогу, ты же не закрой дороги ровной;
Если много говорить, обесценится моё слово,
Станут дешёвыми бесценные жемчужины.
Не хочу писать стихи, чтоб известными бы стали,
А чтецы от удивления поражёнными бы стали,
Не в тетради, а в истории написанными бы стали,
Понимающим тайны, станут они подарком пусть,
Пусть услышат их, познают правду пусть.
Было мне тогда всего 10-15 лет,
Не терпел я злое время, насилие, гнёт,
Пожелтело лицо моё молодое, увяло,
Но никто, увидев меня, не спросил, нет!
Что со мною? Что случилось? Нет, всё нет!
Зло, насилие поднялись до небес,
Слёзы мои всё катились на землю,
Увидав меня, вдруг застеснялась фиалка,
Загнув голову, всё удивлялась та фиалка,
Как мудрец, всё размышляла та фиалка.
Пришёл день, когда проснулся ото сна народ,
Распознав своё время, понял его весь народ,
А потом, зажглись сердца ярким светом,
Всё прошлое предстало пред глазами в миг,
Сыпал пепел на главу бедный народ.
Посмотрев, сказали: «Так же жить нельзя,
Тот, кто мужчина, тому отчаиваться нельзя!
Впредь не увянет наша Родина никогда...»
Но увидел: встал пред ним танк - нельзя!
Ты своё считай, а судьба берёт своё всегда!
Завтрашним днем танки пойдут на народ,
Сделав бойню, утопили в крови весь народ.
Задушили, загубили, — но убийце это нипочём,
А зачем и знать тому: кем был убитый: учёный,
Иль праведник, иль хороший человек?
А народ сложит теперь песни в память их,
А душа моя скорбит всё в память о них,
Перекликнется с шахидами теперь она,
Отомстить за кровь их - вот
Желание моё!
Повергнуть наземь знамя неверных - вот
Стремление моё!*

Эльчин внимательно слушал. Ему очень понравилось это стихотворение. "*Иншааллах! Дай Бог, скоро достигнешь своего желания!*" - сказав, Эльчин встал. За ним последовал и "поэт".

— А что ты читаешь? - поинтересовался он и кивнул на тетрадь Эльчина. Тот протянул её "поэту". И он, немного полистав тетрадь, сказал:

— Ты сам написал всё это?

— Нет, это дал мне один человек.

— Хорошие стихи.

Затем начал потихоньку напевать один из них:

За Хусейна будут плакать земли, небеса. И Пророк наш, Святейший Мустафа.

Эльчин очень поразился. Ведь это же было самое любимое его стихотворение. Он много раз его напевал. Взяв у него тетрадь, сказал:

— Пойдём немного отдохнём. Завтра тяжёлый день...

* * *

Отряд Эльчина с "поэтом" попал в окружение. Враги уже убили нескольких их товарищей. Остальные были вынуждены отойти под натиском превосходящих сил врага. Оставшиеся в живых Эльчин и "поэт", вот уже несколько часов храбро сражались, как львы, и отправили в ад многих врагов. Окружение было долгим. К тому же жажда обессилила храбрых защитников. Только Эльчин хотел сказать что-то "поэту", как трое здоровых солдат набросились на них. Они связали по рукам и ногам бесстрашных молодых бойцов, которые были и без того очень ослабленными и утомлёнными, затем потащили их в штаб. Привязав их к двум деревьям, начали зверски избивать, нанося удары по лицу и голове. В это время один рослый человек что-то приказал. Избивающие остановились. Тот рослый командир подошёл к измученному жаждой Эльчину, который был весь залит кровью.

Командир сказал ему:

— Воду хочешь пить?

Эльчин не отвечал.

— Переходи на нашу сторону. Всё дадим тебе. Эльчин прямо посмотрел в его глаза и произнёс:

— Имам Хусейн (*мир ему*) изрек: "*Унижение далеко от нас!*"

А командир, выпучив глаза, смотрел на него:

— Да кто такой Имам Хусейн? Позови его сюда, посмотрим, что скажет...

Эльчин не дал ему договорить. Плюнув кровью в его ужасное лицо, воскликнул:

— Эй ты, свинья! Не смей произносить Святое имя Имама поганым ртом!

Два-три солдата накинулись на Эльчина. Но командующий знаком руки повелел им отступить. Затем, отцепив от ремня длинный острый нож, схватил за волосы Эльчина. Процедил сквозь зубы:

— Вот этим же ножом отрежу твою голову!

А Эльчин посмотрел вдаль духовным взглядом и произнёс:

За Хусейна будут плакать земли, небеса. И Пророк наш, Святейший Мустафа.

Офицер приставил кинжал к горлу Эльчина. "Поэт" отвернулся. Он не мог смотреть на это. Вдруг он увидел, что убийца, держа в руке голову Эльчина, подошёл к нему. Подняв голову, он начал держать её прямо перед глазами "поэта".

— А ты что говоришь? Получил ли урок от этого? - и показал на голову.

А "поэт" взглянув на голову героя, печально произнёс:

За Хусейна будут плакать земли, небеса. И Пророк наш, Святейший Мустафа.

Рослый командир с ужасом смотрел на него. Откуда исходил дух отваги в этом хилом, худом юноше? Он не мог понять этого. Быстро откинув отрезанную голову в сторону, он схватил за волосы поэта. В одно мгновение отрезал и его голову. Затем приказал, чтобы отрезанные головы воткнули на кол. Потом, подняв их, укрепили на высоком холме. Рослый взяв микрофон в руки, начал выкрикивать:

— Эй! Вы там! Видали, что я сделал с этими двумя? Вас тоже ждёт такая участь!

Только он это сказал, как вдруг с противоположной стороны раздались многочисленные голоса. Они теперь звучали как единый, могучий, боевой клич:

За Хусейна будут плакать земли, небеса. И Пророк наш, Святейший Мустафа.

Рослый командир оробел и поспешил назад. Он заткнул уши, чтобы не слышать эти слова. Но не смог. Этот клич, этот голос всё возрастал и возрастал; он звучал как боевая канонада, - другие бойцы тоже примкнули к нему.

Только теперь убийца осознал, что проиграл битву. Потому что, он узнал и понял, что до тех пор, пока Священное Имя Имама Хусейна (*мир ему*) будет на устах народа, их родина ещё будет воспитывать таких сыновей, как те бесстрашные герои, кому принадлежали эти отрезанные головы.

Святой Пророк (*да благословит Аллах его и род его*) изрек: *"Над каждым хорошим делом существует ещё более лучшее и высокое дело. Но нет лучшего дела, чем то, когда кто-то умирает на пути Аллаха мученической смертью"*

("Бихар аль-Анвар", т. 100, стр. 10).

***"Не падайте же [духом], не огорчайтесь, ибо вы выше других, если веруете".
(Сура "Семейство Имрана", 139).***

Али с трудом добежал до автобуса. Постучал рукой по двери машины. Водитель остановил автобус и посмотрел в зеркало. Одна женщина в чадре, держащая на руках младенца, подошла к автобусу. Водитель открыл дверь. Али, взяв у женщины ребёнка, вместе с ней вошёл в машину. Поискав глазами по салону, он нашёл свободное сиденье и тогда вместе с женщиной сел на то место. Автобус медленно набирал ход...

* * *

Уже было несколько лет, как Али жил в селе. Несмотря на то, что он отлично окончил институт, и ему предложили в нём работать, он выразил желание работать в дальних селах и деревнях, и после того, как он получил назначение, отправился в одно очень далёкое поселение. Поработав в том месте учителем несколько лет, он вскоре женился на достойной и подобающей ему, набожной девушке.

Все удивлялись, как может такой культурный, грамотный, с глубокими знаниями молодой человек жить в селе; что он нашёл там, почему не желает, как большинство молодёжи, жить в городе?

Но тем, кто был близко знаком с ним и знал его характер, хорошо была известна причина. Они знали, что Али, несмотря на свой ум, талант, познания и кругозор не мог жить в городе, так как он был праведным, совершающим намаз молодым человеком, а городская атмосфера была для него невыносимой. Каждый раз, повстречав на своём пути непристойно одетых девушек, молодых кутил, он опускал голову и, произнеся "Проклятье Шайтану!", продолжал свой путь.

Вот потому он ещё с самых первых лет учёбы в институте раз и навсегда решил после того, как получит диплом, переехать в село или деревню и трудиться для повышения уровня как научных, так и религиозных познаний тамошних детей. Так как все его помыслы и мысли были заняты только *Аллахом* и ничем другим, то *Аллах* помогал ему в этом божественном деле, каждый его день благословлял всё новыми достижениями в этой благородной работе.

Но вот уже несколько недель, как его маленький ребёнок был болен и состояние младенца, несмотря на то, что его лечил врач, живший в соседней деревне, всё более ухудшалось. Врач, сделав всё, что было в его силах, посоветовал Али отвезти ребёнка в город...

* * *

Находившиеся в автобусе с удивлением глазели на Али и женщину в чадре. Некоторые, одетые по последней моде, полуголые девушки рассматривали эту женщину с ног до головы и, презрительно и издевательски усмехаясь, отворачивали от неё глаза. А женщина в чадре, смущаясь и беспокоясь от этих колких взглядов, ещё более закутывалась в чадру, и это поведение ещё более увеличивало насмешки девушек и удивление мужчин.

Али, обняв ребёнка, смотрел в окно. Он хотел после лечения ребёнка побыстрее вернуться в село - подальше от отвратительной атмосферы города. И в это самое время чей-то голос отвлек Али от мыслей.

— Молодой человек!

Али, повернув лицо, посмотрел в сторону, откуда раздавался голос. Напротив Али сидел мужчина, лет 35-40. По опрятному внешнему виду, по надетому галстуку и немного полысевшей голове, он был похож на институтского преподавателя.

— Вы ко мне? - спросил Али.

— Да, к вам, - спокойно ответил мужчина.

— Пожалуйста, я слушаю вас, - сказал учтиво Али. А тот, положив ногу на ногу, проговорил:

— Хотел бы спросить у тебя одну вещь.

Али с удивлением смотрел на него. Даже пассажиры удивились тому, что мужчина обратился к Али.

— Надеюсь, что ты не обидишься на меня, - сказав это, мужчина продолжил разговор, - вот уже некоторое время смотрю на тебя и никак не пойму.

— Чего вы не можете понять? - удивление Али ещё более возросло.

— Не могу понять того, как может такой культурный молодой человек, как ты, кутать таким образом свою жену. Люди уже побывали на Луне, в космосе, исследуют звёзды, все страны вступили в высшую стадию прогресса, а ты не разрешаешь своей жене жить свободной... Вот, смотри - это моя жена, - и при этих словах, он показал на сидящую рядом с ним женщину с непокрытой головой, - если я закрою её голову, тем самым нанесу ей непоправимое зло. Видишь, она открыто и свободно живёт и получает удовольствие от жизненных благ. А ты..., - мужчина нагнулся к Али, - а может здесь какая-нибудь другая причина? А? - сказал издевательски тот человек.

Али, несмотря на то, что очень расстроился от его слов, всё же сохранил внешнее спокойствие. Он хотел теперь только одного – дать мужчине такой ответ, чтобы тот никогда не забывал его и долгие годы помнил. Он снова посмотрел в окно. В душе Али горячо молил *Аллаха* вдохновить его, чтобы он мог дать достаточный ответ. И в это же самое время его глаза наткнулись на автостоянку. Там, в большом количестве, были собственные машины, накрытые брезентом. Повернув своё лицо к мужчине, Али спросил:

— Видишь те машины?

— Да, вижу. Ну и что? – удивлённо спросил тот. — Почему их укрыли?

— Ну, ясное дело, потому, что они – собственные. Их владельцы не хотят, чтобы машины портились, изнашивались и заботятся о них.

— А автобусы, находящиеся около тех машин, почему их никто не укрыл?

— Потому, что это общественный транспорт. Все пользуются ими. Слушай, что же хочешь ты этим сказать?

Все находящиеся в автобусе слушали весь разговор и нетерпеливо ждали развязки. А Али, ничуть не смутившись, ответил:

— Понимаешь, моя жена тоже мне дорога и принадлежит только мне, и я забочусь о ней, и моя честь не позволяет, чтобы на нее заглядывались другие. Поэтому она, укрывшись чадрой, ходит с покрытой головой. А твоя жена, подобна общественному транспорту, раз каждый может заглядываться на нее, как на свою собственную и тебе вовсе нет до этого дела.

От этих слов Али все мужчины в автобусе начали хохотать. Теперь все взоры от женщины в чадре перешли на того мужчину с женой. Он был в очень жалком состоянии, а его жена покраснела, от стыда. Не ожидая такого ответа, мужчина не на шутку растерялся, он не знал, что делать, успокоить свою супругу, накричать на смеющихся в автобусе, или же ответить Али ещё язвительнее. Ничего не придумав, он что-то промычал сквозь зубы. Но никто, даже он сам, ничего не понял.

Вдруг его жена, закрыв лицо руками, расплакалась. Когда муж попытался взять её руку, она, размахнувшись, вlepила своему мужу хорошую пощечину.

— Отстань от меня, подлец! - сказала она и, поднявшись, подошла к водителю. Попросила остановить машину.

— Сара, Сара! - закричал мужчина и, побежав за ней, быстро бросился из автобуса. Женщина с презрением отвернула от него лицо и продолжила свой путь.

Все в автобусе насторожились, и стали посерьёзнее. Как будто все боялись, что вот-вот Али и им даст достойный ответ, устыдит их.

А Али, как будто и ничего не произошло, спокойно посмотрел на своего спящего младенца, а затем повернул лицо к окну.

Автобус снова продолжил свой путь.

Имам Али (мир ему) сказал: *"Нет ниткой пользы в пустословии так же, как и нет никакой выгоды и пользы от молчания не в своё время"*.
("Гулар-ул-Хикам", глава "Мудрость").

ПОСЛЕДСТВИЯ ЖЕСТОКОСТИ

"И не помышляй, будто Аллах не ведаёт о том, что творят угнетатели..."
(Сура "Ибрахим", 42).

Хаджи Мубариз со своим другом Тэймур, разговаривая, прогуливались по улице. Дойдя до конца улицы, они заинтересовались чайханой, находившейся в самом углу улицы.

— Я, что-то, раньше не видел эту чайхану. Наверное, недавно открылась, - сказал Тэймур.

— Давай пойдём, и чай попьём, и договорим до конца, - предложил Хаджи Мубариз.

Пройдя внутрь, они уселись за свободный столик. Немного погодя, к ним подошёл один маленький мальчуган. У него был очень жалобный и страдальческий вид. Хаджи Мубариз с Тэймуrom некоторое время смотрели на мальчика.

— Как тебя зовут? - ласково спросил Хаджи.

— Меня зовут Йусиф, - воспитанно ответил тот.

— Сколько же тебе лет, Йусиф?

— Двенадцать.

— Ты учишься? Ребёнок повесил голову.

— Почему не отвечаешь? - снова спросил Хаджи Мубариз.

— Нет, не учусь, - не поднимая головы, ответил мальчуган.

— А почему же ты не учишься? - на этот раз спросил Тэймур.

Мальчик, подняв голову, посмотрел на Тэймура и, снова опустив её, произнёс:

— Я – сирота.

Вопрошаемые были очень смущены таким неожиданным ответом. Они не знали, что и говорить. В это время раздался грубый резкий голос:

— Эй, Йусиф, куда ты пропал?

Йусиф сломя голову сразу побежал в ту сторону, откуда доносился крик. Подбежав к мужчине с огромным животом, он остановился. Мужчина, начал кричать на мальчика.

— Наверное, хозяин чайханы, - сказал Тэймур. Хаджи Мубариз ничего не говорил. Ведь ему было очень жалко ребёнка. "В чём же он виноват, что с ним так обращаются? В такие годы он должен ходить в школу. В его возрасте за ним должны ухаживать. А вместо этого, на него кричат, и заставляют работать. О, Боже!" - тяжело вздохнул Хаджи.

— Почему так тяжело вздыхаешь? Что это вдруг с тобой произошло? - спросил у него Тэймур.

— А почему бы и не вздыхать, разве не видишь? Дети в таком возрасте должны в школу идти, а их, как видишь, эксплуатируют... Бедняжка, бедный сирота!

— Ну ладно, давай продолжим свой разговор. Такое часто случается, - Тэймур захотел изменить тему.

В это время мальчик, держа в руке поднос, подошёл к ним. Ничего не говоря, поставил стаканы с чаем на столик и убрал пустые стаканы. Не пройдя и нескольких шагов, он споткнулся об камень и упал. Поднос, который был в его руке, с грохотом упал на пол и все стаканы разбились вдребезги. Несмотря на сильную боль в колене, он начал собирать разбитые стаканы. И в ту же минуту мужчина с большим животом подошёл к Йусифу. Йусиф жалобно смотрел на него исподлобья. От страха Йусиф побледнел. С трудом он проговорил:

— Дядя Муртуз, прости меня, выпало из рук... дядя Муртуз, ей-богу, я не нарочно... я не знал...

А тот, не внимая его словам, тут же бессердечно влепил ему пощечину:

— Ах ты, сукин сын! Зачем добро моё разбазариваешь, по ветру пустить меня хочешь?

Голова мальчика ударилась об стол; от боли стиснув зубы, он не заплакал, ухватился за ногу мужчины:

— Дядя Муртуз, дядя Муртуз, клянусь *Аллахом*, я не знал...

А тот толкнул его ногой и произнёс:

— Будь ты проклят самим *Аллахом*, щенок!

В это время Тэймур вышел вперёд. Схватил за руку Муртуза и сказал:

— Эй, мужчина, будь справедливым. В чём же виноват этот бедняжка? Он поскользнулся и упал. А деньги за стаканы возьмишь у нас.

Посмотрев на Тэймура, он сказал:

— Э-эх! Ты ведь не знаешь, этот щенок не оставил у меня ни одного целого стакана, всё ломает и разбивает...

Вдруг он остановился. Взгляд его упал на Хаджи Мубариза, который смотрел на него презрительным взглядом.

— Ба! Кого я вижу?! Мубариз Энверович, добро пожаловать, какими судьбами? - сказав это, он обнял Хаджи. А Хаджи отвернул лицо в сторону. Насилу вырвавшись из его объятий, сказал:

— Я тебя не узнал.

— Как не узнали? Да это же я – Муртуз. Вы преподаёте уроки моему сыну в институте.

Мубариз только сейчас его узнал, но пришёл в смущение от этого знакомства. Сухо ответив на его приветствие, сел на своё место. Муртуз, придвинув стол, немедленно поспешил сесть рядом с ним. Затем, заискивающе наклонив голову, начал говорить с Хаджи Мубаризом. Немного поговорил о том, о сём, но Хаджи, не обращая на него внимания, спокойно попивал свой чай и не отвечал. А Муртуз всё говорил и говорил без умолку. Вдруг Хаджи Мубариз поднял голову, посмотрел на не устающего говорить Муртуза и сказал:

— Я хочу тебе рассказать один случай.

— Я весь во внимании, Хаджи, и всегда готов услужить вам, - затем, повернув лицо, закричал на Йусифа, - эй, ты, подай два-три стакана чая!...

— Оставь его в покое, ты меня слушай! - спокойно сказал Мубариз.

Мужчина с Тэймуром с интересом смотрели на рассказчика и нетерпеливо ждали, что он хотел рассказать. Хаджи Мубариз, уставившись вдаль, начал говорить:

— "В то время, когда я был ребёнком, мы жили в деревне. У нас был один сосед и, несмотря на то, что он уже пять-шесть лет как был женат и имел одного ребёнка, он никак не оставлял своих детских привычек и лёгкого поведения.

Однажды парочка аистов свила гнездо на большом высоком столбе, находящемся недалеко от их дома. После некоторого времени самка снесла несколько яиц. А мужчина, тут как тут, не поленившись, стащил одно из яиц и подменил его куриным яйцом.

Проходит время, птенцы аистов постепенно вылупляются, очередь подходит к куриному яйцу...

Аист-самец, вернувшись в гнездо, смотрит на своих птенцов. А когда взгляд его падает на птенца, вылупившегося из куриного яйца, издаёт громкий крик и улетев, удаляется от того места. Мы все с большим интересом смотрели на это зрелище. После некоторого времени, мы вдруг увидели, что целая стая аистов, паря в воздухе, приблизилась и села на ветках деревьев, которые были вблизи от столба с гнездом. Они начали громко издавать звуки и кричать. Словно о чём-то "совещались". Вдруг аисты утихли и вместе взлетев, приблизились к самке. Они начали клевать её в глаза, в голову и заклевали её так, что, в конце концов, самка не смогла удержаться и выпала из гнезда.

Мы, вначале, ничего не могли понять. Нам была не понятна причина этого поведения аистов, но после, узнав историю с "яйцом", для нас всё стало ясно. Оказывается, когда аист-самец увидел вылупившегося из яйца цыплёнка, то он усомнился в верности его самки. Вот, поэтому он и передал это происшествие другим аистам, дабы они вынесли справедливый приговор самке. (Ты посмотри на ревность аиста!) И "суд" вынес самке смертный приговор...

Самка была вся в крови. Но суровые птицы не оставляли её в покое. Бросаясь вперёд, сородичи аиста начали снова наносить бедняжке многочисленные удары в глаза и голову; они вскоре выклевали ей глаза. Только, когда увидев, что она окончательно выбилась из сил, они оставили её в покое.

Аист-самка, в последний раз, сделала слабое движение, подняла навверх окровавленную голову... и навсегда положила её на землю...

После этого случая прошло несколько дней. Однажды из соседского дома послышались вопли и стенания. Как стало известно, ребёнок нашего соседа свалился с дерева на землю и в ту же минуту умер.

Никак не возможно было успокоить его мать. Она хотела чуть ли не облить бензином себя и поджечь. Не прошло и семи дней со дня смерти ребёнка, как она перенесла инфаркт, а затем умерла.

А мужчина вообще теряет голову. С горя он начинает пить. Так он пропил всё своё добро. Даже дом свой продал, а после всё без дела разгуливал. А под конец, он становится сумасшедшим, и его везут в психиатрическую больницу...

Тот мужчина всегда говорил, что его наказало проклятие той птицы".

Хаджи Мубариз замолчал. Посмотрев на Муртуза, вдруг спросил:

— А теперь у меня к тебе есть один вопрос: «Тот *Аллах*, который не хочет, чтобы причиняли зло даже аисту и так мстит за это, как же он расправится с тем человеком, который будет притеснять эту сироту?»

Мужчина ничего не говорил. Он только слушал, опустив свою голову. Внезапно поднял голову и руки к небу, начал умолять:

— О, *Аллах!* Не знал, совершил грех! Я – ничтожество перед Тобою! Прости, прости! О, *Аллах!* Прости, не взыщи! - навзрыд начал плакать он. Хаджи Мубариз встал. Тэймур, как будто, высох и не двигался. Хаджи спокойно положил на его плечо руку, кивнул в сторону двери и зашагал к выходу. А Тэймур с трудом взяв себя в руки, последовал за ним.

А мужчина всё так же плакал и плакал.

Имам Бакир (*мир ему*) изрёк: *"Того, кто совершает зло, Всевышний Аллах подвергнет такому же злу, будь то зло по отношению к людям или же к имуществу"*.

(*"Джами-ус-садат"*, том 2, стр.293).

СОВЕТ

"О вы, которые уверовали!... Помогайте друг другу в благочестии и богобоязненности, но не помогайте друг другу в грехе и вражде. И страшитесь Аллаха. Воистину, Аллах суров в наказании!"

(Сура "Трапеза", 2).

Наступало утро. Только появлялись первые признаки зари. На улице не было видно ни души. И в это самое время вдали появился чей-то силуэт. Когда он приблизился, стало ясно, что это был мужчина 50-55 лет. Когда он хотел свернуть в переулок, его взгляд упал на молодого человека, сидевшего на корточках и ухватившегося руками за свою голову.

— Эй, молодой человек, к добру ли ты сидишь в этом месте? - спросил мужчина.

Когда тот поднял голову, мужчина чуть не вздрогнул. Лицо у него было бледным, как у мертвеца, а в глазах было полное безразличие.

— Что-нибудь стряслось? - спросил снова мужчина.

Молодой человек снова ничего не ответил. Вдруг он, закрыв руками лицо, разрыдался. А другой, несмотря на все свои старания, не смог его успокоить.

Поплакав долгое время тот, наконец, успокоился. Мужчина, приблизив своё лицо к нему, внимательно взгляделся и спросил:

— Сынок, ну скажи, ведь, что-то случилось? Может я чем-то тебе помогу?...

Парень, подняв голову, ответил:

— Нет, ты мне никак не сможешь помочь. Я уже конченный человек.

У собеседника еще больше возросло любопытство. Он начал настаивать. После долгих его попыток у парня, наконец, развязался язык, и он начал говорить:

— Утром я поссорился с женой. Не знаю, как это получилось, что внезапно ударил её кулаком по виску, а она упала и умерла. А теперь я и не знаю, что делать, нет никакого средства и способа...

Пожилой мужчина, ничего не говоря, отошёл и склонился к стене. "Бедняга! В какое трудное положение он попал. Если его поймают, обязательно осудят. Молодость его пройдёт за стенами тюрьмы. И теперь, что же мне придумать такое, как же его выручить? Женщину – к чёрту, умерла, так умерла, не будет же мучиться он из-за того, кого уже нет", — подумал мужчина. "Нет! Во чтобы это не стало, я ему помогу", - придя к этому решению, он снова повернулся к парню и сказал:

— Знаешь, мне в голову пришла одна мысль. Пойди приведи в дом одного молодого человека, а потом убей. Уложи его около своей жены. А после этого, подними шум и панику, объяви всем, что был в отъезде, а возвратившись, застал их вместе. Честь не вытерпела такого разврата, вот поэтому ты их и убил. Тем самым спасёшь шкуру свою от беды.

У молодого человека на мгновение в глазах засверкали искры надежды, но они также быстро прошли. Он сказал:

— Ну, как же можно убивать невинного человека?

А мужчина, потеряв терпенье, возразил:

— Эй, несчастный, а себя ты не жалеешь? Тебя поймают, всю жизнь будешь гнить в оковах и наручниках. Это лучше, или то, что я тебе предложил?

Парня обуял ужас. Услышав о тюрьме, он начал дрожать. Мужчина, смерив его взглядом, произнёс:

— Ну, ладно, как знаешь, а я пойду.

* * *

Вечерело. Солнце клонилось к закату. Пожилой мужчина, не спеша, возвращался той же дорогой, которой сегодня утром уходил. Поравнявшись с тем местом, где он утром повстречался с парнем, увидел, что у двери его дома толпится много людей. Спросил у одного из них:

— Что здесь произошло?

— Владелец этого дома, вернувшись из поездки, застал свою жену с другим мужчиной, не выдержал и прикончил их, - ответил тот.

Услышав это, он сказал парню в душе "молодец!", затем прошёл в комнату. Молодой притворился, что не знает его, а потом громко, во всеуслышание, начал повторять сказанные ранее слова.

Мужчина, войдя внутрь, взглянул на молодую женщину и лежащего рядом юношу и ... вдруг он, ухватившись за сердце, упал на колени.

Юноша, который бездыханно лежал рядом с женщиной, был его собственным сыном.

Святой Пророк *(да благословит Аллах его и род его)* изволил сказать: *"Наихудший из людей — продающий свою загробную жизнь за мирскую. Ещё хуже тот, кто продаёт свою загробную жизнь за мирскую жизнь другого человека"*.

("Бихар аль-Анвар", т. 77, стр. 46).

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОДНОМ УРОКЕ

*"Не следуй тому, в чем ты не сведущ, ибо слух, зрение и сердце будут призваны к ответу".
(Сура "Путешествие ночью", 36).*

Это произошло около 20 лет тому назад, но этого я никогда не мог забыть. Тот случай так сильно на меня подействовал, что до сих пор у меня перед глазами...

Было 1 сентября. Все дети построились во дворе школы и ждали окончания выступления директора. Я всех их знал, так как проучился в этой школе уже долгое время. Почти никто не слушал директора, и все переговаривались между собой.

В это время я заметил одного мальчика. Я раньше никогда его не видел. Мальчик был в синем пиджаке и производил впечатление бедного человека, но одежда его была чистой и опрятной. Не знаю почему, но на первый взгляд он мне почему-то не понравился. Может, это было потому, что он все время держал правую руку в кармане пиджака, словно он выстаивал перед нами позу.

Наконец выступление закончилось, и мы со своими учителями разошлись по классам. Оказалось, что новый ученик будет учиться в нашем классе.

Прошло несколько дней, но с новичком пока никто не общался. Всем казалось, что он очень доволен собой, так как он всё время сидел один и ни с кем не разговаривал. Как будто он не видел в нас достойных ему друзей, к тому же он никогда не вынимал рук из карманов. Мы недолюбливали его, так как очень не любили самодовольных людей.

Но глаза его говорили совсем о другом, в них не было и капли самодовольства. Выражение лица у него было очень смиренным. В его тихих глазах можно было прочесть удивительное чувство, чувство человека, знающего какую-то тайну и не могущего с ней поделиться. И поэтому нам было интересно наблюдать за ним.

Однажды к нам в класс пришел завуч и объявил нам, что наш класс, как один из лучших в школе, поедет на экскурсию. Потом он пожелал нам успехов в учёбе и дал ещё несколько советов. Я и сам, толком не зная почему, недолюбливал нашего завуча. Он всегда отличался излишним усердием, но все знали, что это было ни что иное, как выслуживание перед директором школы. Особенно, когда он надевал свой широкий галстук, его красное лицо делалось ещё более глупым.

Как раз в это время, кто-то постучался в дверь класса. Мы все оглянулись. Новичок зашёл в класс и учитель разрешил ему сесть. Неожиданно завуч, громко крикнув, сказал:

— Эй ты! Иди сюда!

Мальчик, встав со своего места, подошёл к завучу.

— Почему ты опоздал?!

Мальчик, опустив голову, молчал.

— Я у тебя спрашиваю, почему ты опоздал?! Отвечай!

— Извините.

Мы впервые услышали голос этого мальчика.

— Вытащи руку из кармана!

Но мальчик не пошевелился и ещё больше склонил голову.

— Негодный мальчишка, разве я не с тобой разговариваю?

Мы увидели, что у него на глазах навернулись слезы. Он хотел было отвернуть лицо в сторону, чтобы скрыть свои слёзы, как в это время сильная пощёчина свалила его с ног. Это произошло так быстро, что мы не успели что-либо сообразить. Придя в себя после сильного удара, он попытался подняться. И только сейчас мы наконец поняли в чем было дело. У несчастного была ампутирована правая рука. Мы все побледнели. Никто не осмеливался сказать что-либо. Мальчик постепенно поднялся. Левой рукой заправив рукав правой руки в карман пиджака, он выбежал из класса.

После этого случая больше никто его не видел.

Имам Али (*мир ему*) изрёк: *«Клянусь Аллахом! Всевышний не накажет верующего, кроме как за ложное подозрение и недостойное поведение».*
(«Гуарар-уль-Хикам», глава «Предубеждение»).

ОДИН ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

"И как много людских селений Мы погубили, когда их жители поступали беззаконно! Они были разрушены до самого основания. Как много высохших колодцев и руин величественных дворцов!"

(Сура "Паломничество", 45).

В горячих песках Хузистана, наша машина продвигалась вперед как уставший верблюд. Мы смотрели вперед и внимательно слушали нашего проводника. Он рассказывал о прогремевшей здесь войне, о подвигах совершенных в этих краях. Но, не смотря на подробный и увлекательный рассказ, мы все желали побыстрее добраться до места происшествия и воочию увидеть все. Ведь увиденное никогда не сравниться с услышанным.

Наконец мы доехали и вышли из машины. Взору представилась картина, о которой нам много рассказывали. Та же река, полутонувшие корабли, разрушенные дома, заросшие окопы. Был весенний день, и во всём чувствовалось дыхание весны. Казалось, даже порхавшие над рекой птицы тоже приветствовали друг друга с весной. А я, задумавшись, смотрел на развалины, будто эти сломанные стены хотели и могли сказать мне что-то. Дом словно вздыхал, видя своё безобразное отражение в воде. Казалось и я вот-вот услышу эти вздохи. Как будто он хотел поделиться своим горем.

Как бы мне не хотелось молчать, Грудь не может терпеть — Заставляет кричать!

Я склонил голову и подумал про себя, что же пришлось вытерпеть этому дому, сколько же он всего повидал на своём веку. Подняв голову и снова взглянув на здание, я не поверил глазам своим...

Вместо разрушенного здания передо мной возвышался прекрасный особняк. Украшенный как невеста, стены его сверкали, а вокруг струились фонтаны, и над ними кружилось множество птиц. На месте полутонувших кораблей плавали прекрасные суда.

Вдруг на одном из кораблей показались несколько мужчин и женщин. Они, смеясь, спустились на берег. Слуги, которые ждали на берегу, проводили их до дома. Двери его широко распахнулись, и они вошли туда. Немного погодя слуги подняли шторы, и можно было видеть всё, что происходит в доме. Посередине большой гостиной был накрыт длинный стол. Слуги друг за другом приносили разные яства и выпивку. Гости уселись за стол и начали праздновать. Комнаты были полны люстр и ламп, и один из слуг по очереди зажигал их. Но удивительным было то, что, несмотря на это, дом ещё больше погружался во мрак.

Вдруг я увидел, что по реке приближается несколько других кораблей. Они были полны солдат и разного устрашающего оружия. На берегу реки, где был дом, появилась другая группа воинов с лучезарными лицами.

Спустя несколько минут между двумя отрядами началось кровопролитное сражение. Светлоликие воины бесстрашно атаквали, не боясь шквального огня врага. Особенно отважные, переплыв реку, штурмовали неприятельские корабли. Некоторые из этих воинов, получив смертельные раны, молча тонули. Я был ошеломлён этим героизмом.

В то же время торжество в особняке продолжалось как ни в чем ни бывало. Слуги не уставая приносили всё новые и новые яства и напитки, а тот слуга продолжал зажигать огни, но мрак надвигался всё больше и больше.

Один из солдат передо мной был ранен и упал на песок. В это время другой подбежал к нему и взвалив его на плечи, вынес с поля боя. Не далеко от меня стоял их командир, и я увидел, как один из вражеских солдат на корабле хочет выстрелить в него. Я попытался предупредить его, но они не слышали моего голоса, словно его вовсе не было. Один совсем ещё юный воин бросился вперед

и заслони́л своего командира. Пуля обагрила его грудь. Алая кровь сочилась из его груди, и он упал на руки командира...

Слуга зажёг последнюю лампу, и всё окончательно погрузилось в кромешную темноту...

Вдруг я услышал голос. Кто-то звал меня. Я поднял голову. Больше не было ни мрака, ни кровопролитной битвы, ни бесстрашных воинов. От прекрасного особняка не осталось и следа - он был разрушен. Праздновавшие тоже исчезли.

Я увидел, что наша машина собирается в путь. Поспешив, я сел в машину. Но глаза мои все ещё искали ту картину. В это время водитель включил радио. Скорбный голос читал Коран:

"И как много людских селений Мы погубили, когда их жители поступали беззаконно! Они были разрушены до самого основания. Как много высохших колодцев и руин величественных дворцов!"¹⁰

* * *

Имам Хади (*мир ему*), обращаясь к правящему халифу, изрёк: *«Они (угнетатели), потратили годы, чтобы воздвигнуть свои дома и дворцы! Но, в конце концов, они покинули свои жилища и семьи, и ушли в мир иной. И они же собирали сокровища и драгоценности, но и это досталось их недругам!»*

(«А 'йан-уш шиа», том 2, стр. 38).

¹⁰ Сура "Паломничество", аят 45.